MASTER
NEGATIVE
NO. 92-80730-6

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:
MARX , KARL

TITLE:
VVEDENIE K KRITIKIE
FILOSOFII PRAVA
GEGELIA

PLACE:
S . -PETERBURG

DATE:
1906

Master Negative #

92-80730.6

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

193H36
T

Marx, Karl, 1818-1883. Zur kritik der Hegel'schen rechts-philosophie. Russ

...Vvedenie k kritikie filosofii prava Gegelia. S predisloviem P. L. Lavrova. [An introduction to a criticism of Hegel's philosophy of law. With an introduction by P. L. Lavrov.] S.-Peterburg, Izd. V. Vrublevskago, 1906.

48 p. 21 cm.

At head of title: Karl Marks.

192469

Restrictions on Use:

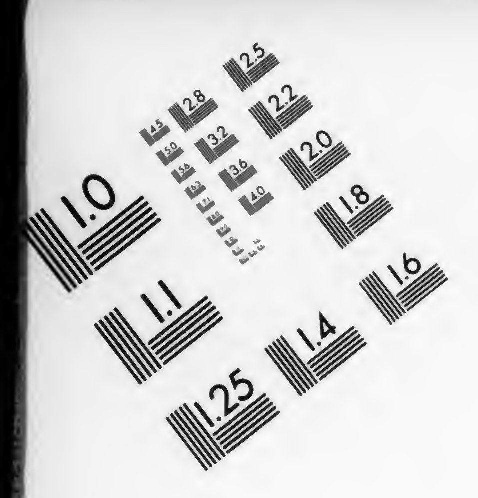
TECHNICAL MICROFORM DATA

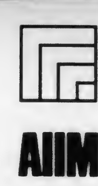
FILM SIZE: 35MM REDUCTION RATIO: 11X

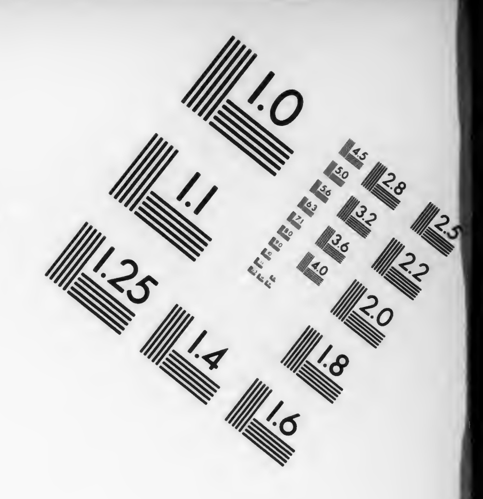
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB

DATE FILMED: 12-4-92 INITIALS MCY

FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

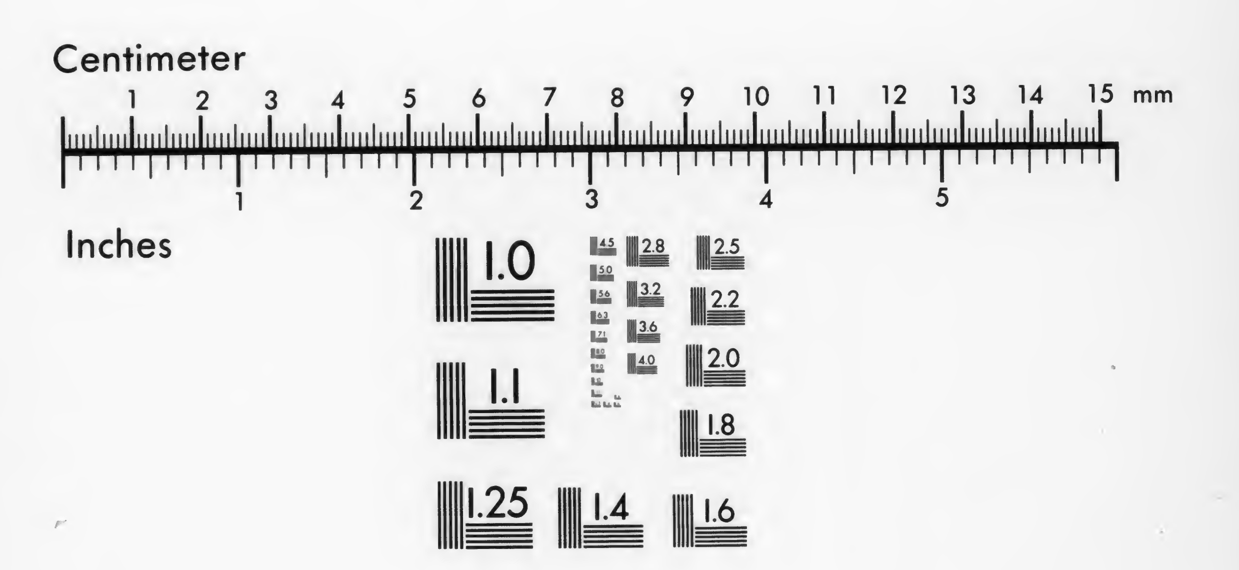

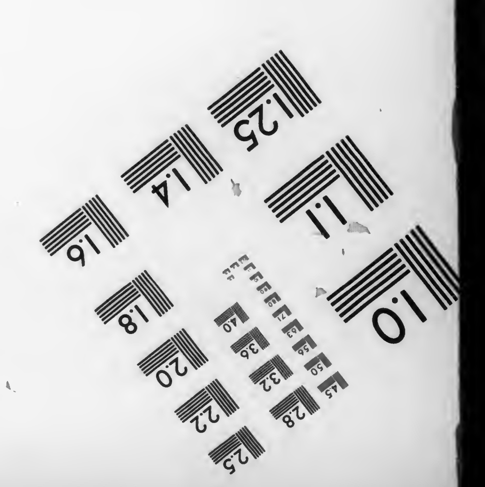
AIIM

Association for Information and Image Management

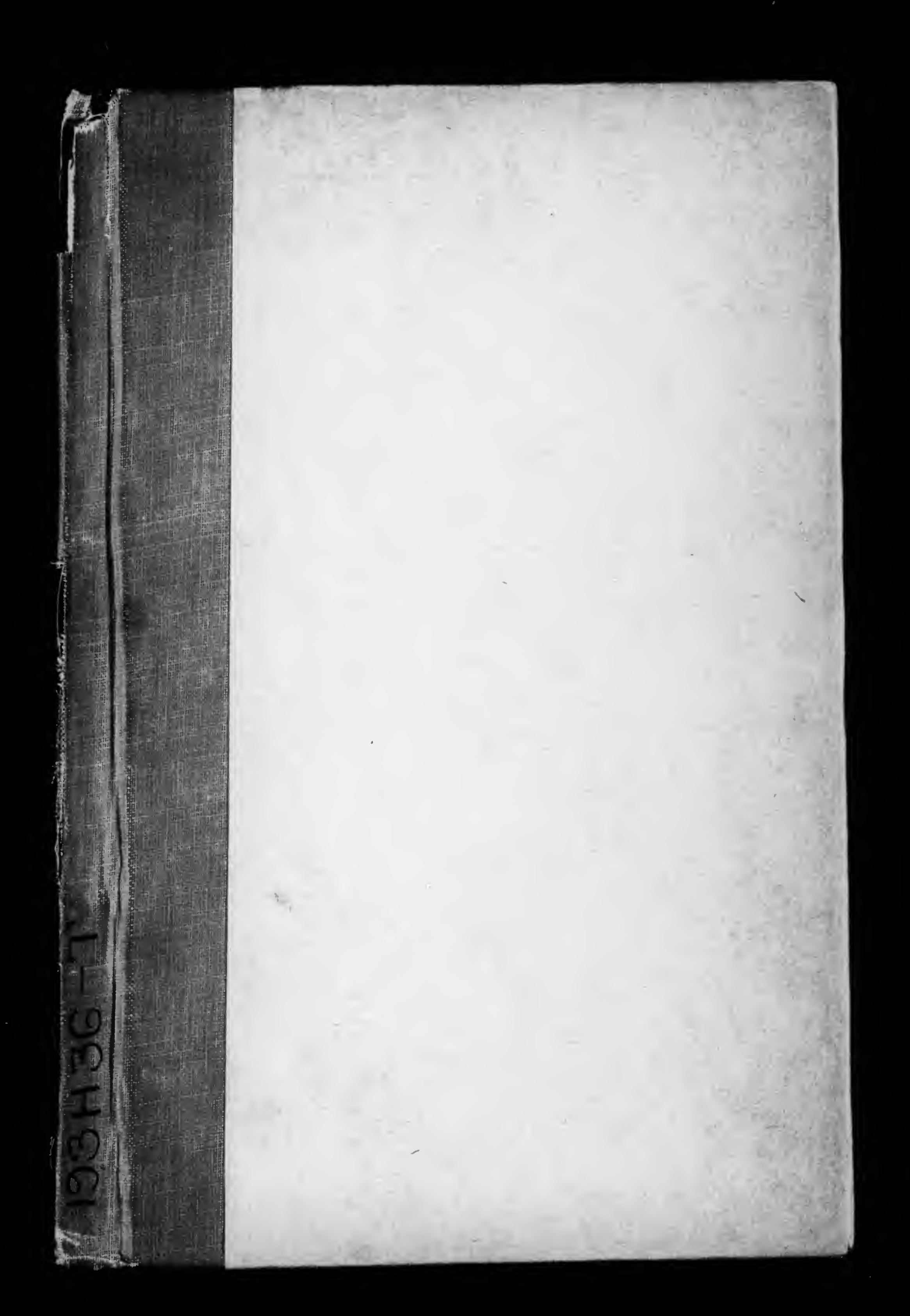
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

Карлъ Марксъ

Введеніе къ критикѣ

ФИЛОСОФІИ ПРАВА

ГЕГЕЛЯ

Съ предисловіемъ П. Лаврова

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Карлъ Марксъ

ВВЕДЕНІЕ

къ

КРИТИКѢ ФИЛОСОФІИ ПРАВА

ГЕГЕЛЯ

Съ предисловіемъ П. Л. Лаврова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906. — ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

33-37188

193H36
T

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Коммерческая скоропечатня.
Лиговская 57.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ литературныхъ вопросовъ представляется изученіе постепеннаго развитія мысли великихъ писателей и мыслителей, наблюденіе первыхъ проявленій тѣхъ ученій, которыя впослѣдствіи въ болѣе полной и обдѣланной формѣ составили эпоху въ умственныхъ пріобрѣтеніяхъ человѣчества. Для современныхъ соціалистовъ едва-ли есть писатель и мыслитель, который, въ этомъ отношеніи, по своему значенію, могъ бы сравниться съ Карломъ Марксомъ. Поэтому можно лишь съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ намѣренію новой русской соціалистической группы издателей начать рядъ предположенныхъ ею изданій переводомъ одного изъ самыхъ раннихъ произведеній Карла Маркса: его „Введеніемъ“ въ предполагавшійся большой трудъ „Изъ критики философіи права Гегеля“, введеніемъ, напечатаннымъ въ первомъ (и единственномъ) выпускѣ обозрѣнія, начатаго Карломъ Марксомъ вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге въ Парижѣ, именно „Нѣмецко-Французскихъ Лѣтописей“ *). Интересъ этого изданія увеличивается еще тѣмъ, что упомянутое обозрѣніе составляетъ теперь библіографическую рѣдкость и очень немногіе читатели имѣли случай когда-либо видѣть этотъ трудъ Маркса даже въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Но предъ нами произведеніе давно минувшей эпохи и, къ тому же, оно принадлежитъ перу человѣка, не уединявшагося отъ окружающаго міра въ своихъ кабинетныхъ трудахъ, но весьма впечатлительнаго къ внѣшнимъ событіямъ и вызываемаго этими событіями въ живой работѣ мысли. Поэтому произведеніе молодости Карла Маркса носитъ на себѣ отраженіе

*) „Deutsch-Französische Jahrbücher“ herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx; 1-ste u. 2-te Lieferung; Paris, 1844. „Zur Kritik der Hegel'schen Rechts-Philosophie“, von Karl Marx, Einleitung, 8, 71—85.

33-37188 Ma. 28. 1933 R.

многихъ частностей борьбы, обозначившей средину сороковыхъ годовъ, частностей теперь полузабытыхъ. Для разъясненія его едва ли не необходимо предпослать ему нѣсколько страницъ.

Здѣсь, прежде всего, требуетъ объясненія самый предметъ статьи. Дѣло идетъ о философіи права Гегеля, но большинство русскихъ читателей соціалистовъ (да и не соціалистовъ) имѣютъ самое смутное представленіе о Гегелѣ вообще и о его философіи, между прочимъ, о его „Философіи права“. Давно минула для русскихъ эпоха сороковыхъ годовъ, когда въ московскихъ кружкахъ восторженная молодежь цѣлыя ночи до утра проводила въ спорахъ о томъ или о другомъ выраженіи Гегеля, когда Бакунинъ писалъ въ „Галльскихъ Лѣтописяхъ“ подъ всевдонимомъ Элизара. Съ тѣхъ поръ постановка философскихъ вопросовъ для большинства интересующихся ими существенно измѣнилась и даже философскіе пріемы нѣмецкаго идеализма сдѣлались археологическимъ преданіемъ. Между тѣмъ всѣ „Нѣмецко-Французскія Лѣтописи“, однимъ изъ редакторовъ которыхъ былъ Карлъ Марксъ. проникнуты традиціями ученія Гегеля, и даже оппозиція этому ученію, насколько она высказывается въ этомъ изданіи, ведется на основаніи гегелевскихъ логическихъ положеній и пріемами гегелевской діалектики. Остановимся же на нѣсколько минутъ на этомъ ученіи, которое играло весьма значительную роль въ исторіи мысли XIX вѣка, ученіи, которое послужило точкой исхода для работъ Давида Штрауса и Людвига Фейербаха, для проповѣди Бакунина и Лассаля, въ особенности же для трудовъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса *).

*) Едва ли кто изъ читателей этихъ строкъ знакомъ съ моимъ давнишнимъ трудомъ о «Гегелизмѣ», появившемся въ «Библіотекѣ для чтенія» въ 1858 и 1859 годахъ. Тѣмъ не менѣе, если такіе читатели окажутся и найдутъ нѣкоторое разногласіе между тѣмъ, что было мною писано тогда, и тѣмъ, что я высказывалъ въ послѣдніе годы и резюмирую здѣсь, то они, конечно, вспомнятъ, что стыдно было бы мнѣ съ тѣхъ поръ ничему не научиться. Имя Маркса и его труды были мнѣ тогда совершенно неизвѣстны. Я не былъ знакомъ непосредственно съ филолофскими трудами ни Людвига Фейербаха, ни Огюста Конта, ни даже съ логикою или съ политическою экономіею Джона Стюарта Милля. Тѣмъ не менѣе я и теперь не отказываюсь отъ многихъ мыслей, высказанныхъ въ этой самой ранней моей философской работѣ.

Жизнь доставляетъ человѣку матеріалъ знанія и пониманія, желаній и дѣятельности. Знаніе выдѣляетъ факты наиболѣе достовѣрные и, по отношенію къ нимъ, располагаетъ все остальное въ іерархію невозможнаго, невѣроятнаго и болѣе или менѣе вѣроятнаго. Аффекты вызываютъ рядъ жизненныхъ побужденій, которыя въ свою очередь располагаются въ іерархіи болѣе или менѣе привлекательнаго, болѣе или менѣе полезнаго, болѣе или менѣе возвышающаго достоинство человѣка. Для внесенія порядка въ этотъ матеріалъ, доставляемый жизнью, классифицируемый знаніемъ, волнующій насъ аффектами, выступаетъ умственный процессъ объединенія, стремленіе къ послѣдовательности въ мысли и въ жизни. Знаніе строится въ науку. Побужденія, влеченія, аффекты группируются въ нравственное ученіе, въ планъ общественной и исторической дѣятельности. Общее міросозерцаніе охватываетъ и всѣ достовѣрные, болѣе или менѣе вѣроятные элементы практической дѣятельности. Эта *объединяющая* мысль, по необходимости работающая во всѣхъ областяхъ знанія и жизни, есть мысль *философская*. Продуктъ объединенія, въ отдѣльной-ли области или въ обширномъ міросозерцаніи, есть *философія* этой отдѣльной области или *философская система* вообще. Насколько знаніе тѣмъ выше, чѣмъ оно точнѣе, жизненная задача — чѣмъ лучше предусмотрѣны всѣ обстоятельства, способныя въ томъ или другомъ отношеніи содѣйствовать или противодѣйствовать поставленной цѣли, настолько философія тѣмъ выше, чѣмъ она полнѣе охватываетъ и лучше группируетъ весь матеріалъ, доставляемый ей мыслью и жизнью, именно въ той взаимной зависимости и іерархіи элементовъ этого матеріала, которые устанавливаетъ наука въ ея новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ и нравственность въ ея высшихъ идеалахъ личной и общественной жизни.

Знаніе ростетъ и постепенно избавляется отъ фантастическихъ и метафизическихъ элементовъ, около него и въ немъ переживающихъ, но въ каждую эпоху еще можно открыть въ мысли, называющей себя научною, большее или меньшее количество этихъ элементовъ. Развиваются и нравственные идеалы личные и общественные, борясь съ привычками, съ узкими интересами, съ ослѣпляющими аффектами, но въ каждую эпоху и для каждаго человѣка личная обстановка, обще-

ственная среда и событія исторіи вліяютъ на эти идеалы, усиливая или ослабляя тѣ или другіе низшіе элементы, въ нихъ проникающіе. Поэтому, въ каждую эпоху, философскія міросозерцанія, весь матеріалъ которыхъ черпается изъ элементовъ, вырабатываемыхъ процессами знанія и вѣрованія, изъ низшихъ и высшихъ аффектовъ, не можетъ не отражать эпоху въ ея заботахъ и въ ея стремленіяхъ, въ ея завоеваніяхъ и въ ея заблужденіяхъ. Различныя теченія мысли и жизни неизбѣжно вызываютъ различныя теоретическія міросозерцанія и различныя практическія ученія. Всякая философія, достигшая значительнаго вліянія и господства, есть, по необходимости, отраженіе какихъ-либо господствующихъ теченій въ данную историческую эпоху.

Таковъ былъ нѣмецкій идеализмъ въ эпоху, современную первой французской революціи. Таковъ былъ въ частности гегелизмъ въ первую треть нашего вѣка.

Для Европы, съ самаго начала новаго времени, задача состояла въ томъ, чтобы перейти отъ средневѣковыхъ формъ цивилизаціи, преимущественно религіозной, къ инымъ формамъ, свѣтскимъ, и, притомъ, въ своемъ отличіи отъ античной цивилизаціи, къ формамъ, соотвѣтствующимъ тѣмъ громаднымъ пріобрѣтеніямъ знанія и техники, которыми могла воспользоваться въ XVII вѣкѣ Европа, имѣя въ своемъ прошедшемъ Колумба и Коперника, порохъ, книгопечатаніе, успѣхи ремеслъ въ средневѣковыхъ цехахъ и океаническаго мореплаванія; перейти къ формамъ, соотвѣтствующимъ тѣмъ новымъ политическимъ задачамъ, которыя выработала борьба государства съ церковью, юристовъ съ феодалами, городовъ съ баронами и епископами, городскихъ цеховъ съ патриціями; къ формамъ, соотвѣтствующимъ, наконецъ, тѣмъ измѣненіямъ нравственнаго идеала, которыя внесло въ привычки мысли личностей христіанское богословіе, требовавшее отъ члена церкви не только исполненія общественнаго обряда, но личнаго убѣжденія. Вся исторія новаго времени заключается въ стремленіяхъ выработать теоретическіе и практическіе элементы цивилизаціи, удовлетворяющіе этимъ требованіямъ.

Взамѣнъ господства церковнаго догмата и авторитетнаго свидѣтельства выступаетъ критическая наука съ ея точными методами. Она, къ концу XVII вѣка, вполнѣ утвердилась въ области математики, механики и механической фи-

зики, къ концу XVIII—въ области химіи, сдѣлавъ въ то же время довольно значительныя завоеванія въ области біологіи, положивъ начало успѣшной разработкѣ психологіи и приближаясь къ правильной постановкѣ задачъ соціологіи съ разныхъ сторонъ: съ точки зрѣнія борьбы за лучшую политическую форму и правильнѣйшее построеніе юридическихъ положеній въ кодексахъ; съ точки зрѣнія отношеній личности къ общественному договору и гражданина отдѣльнаго государства къ космополитическимъ идеямъ и симпатіямъ; съ точки зрѣнія роли экономическихъ процессовъ въ общественной и государственной жизни; наконецъ, съ точки зрѣнія отношенія личныхъ идеаловъ каждой эпохи къ историческому процессу, ее подготовившему и въ ней подготовляющему новую эпоху. Англійскіе и американскіе политическіе писатели, Беккарія и Бентамъ, Руссо, энциклопедисты и ихъ послѣдователи, физіократы и Адамъ Смитъ, Вико, Гердеръ и просвѣтители-космополиты всѣхъ странъ сознательно и безсознательно вырабатывали различные элементы соціологіи въ томъ видѣ, въ какомъ она должна была стать на очередь среди научныхъ задачъ въ наше время.

Но, рядомъ съ этою научною разработкою общественныхъ вопросовъ, еще весьма отрывочною и мало методическою, эти вопросы, во всей ихъ сложности, выдвигались самимъ процессомъ исторіи и требовали себѣ непосредственнаго рѣшенія. Католицизмъ завѣщалъ новой Европѣ крѣпкую и могучую организацію церкви и наканунѣ начала новаго времени выработалъ въ ней новый органъ, іезуитовъ, приложенный къ новымъ условіямъ общественной борьбы за существованіе. Свѣтскому государству, отстаивавшему свою независимость отъ церкви, приходилось, на католическихъ территоріяхъ, выдерживать постоянную борьбу за господство съ этой организаціей, борьбу тѣмъ болѣе трудную, что, во многихъ случаяхъ, это государство не могло обойтись безъ опоры той самой церкви, съ которой оно боролось. На протестантскихъ территоріяхъ дѣло было поставлено [illegible] и опасность была иная. Церковь, въ главныхъ своихъ [illegible], подчинялась главѣ государства и вошла въ составъ послѣдняго, такъ что государство, которое, по сущности новаго процесса исторіи, должно было дѣлаться все болѣе свѣтскимъ, привило къ своему тѣлу, какъ нераздѣльный элементъ, религіозную работу

мысли и религіозную организацію. Тѣмъ самымъ оно было поставлено предъ неизбѣжною дилеммою. То государство, которое осталось бы общественною формою, существенно проникнутою религіознымъ элементомъ, должно было фатально пойти на перекоръ историческому теченію, стать, въ своемъ соперничествѣ съ другими государствами, на сравнительно низшую точку развитія, слѣдовательно, рискнуть своей прочностью или даже своимъ существованіемъ въ политическомъ соперничествѣ. Эта опасность была тѣмъ значительнѣе, что, проникнувшись религіознымъ элементомъ, протестантское государство должно было и на собственной территоріи смотрѣть, какъ на враговъ, на всѣхъ иновѣрцевъ, на всѣхъ сектантовъ протестантизма, отступающихъ въ томъ или другомъ отношеніи отъ государственнаго вѣрованія, наконецъ, на всѣхъ свободныхъ мыслителей, число которыхъ увеличивалось по мѣрѣ того, какъ научные пріемы мышленія распространялись и укрѣплялись среди интеллигенціи. Съ другой стороны, то протестантское государство, которое стремилось бы, согласно общему направленію новой европейской исторіи, сдѣлаться государствомъ свѣтскимъ, должно было этою своею характеристическою особенностью вліять тѣмъ болѣе на жизнь церкви, съ нимъ связанной, чѣмъ эта связь была тѣснѣе. Эта церковь, сохраняя внѣшность религіознаго союза, должна была проникаться все болѣе элементами свѣтской мысли, все болѣе терять свой религіозный характеръ; а этотъ процессъ, окончательно, долженъ былъ повести самымъ кратчайшимъ путемъ къ вымиранію собственно-религіознаго элемента въ самой церкви и въ обществѣ и къ окончательному обращенію новаго общества въ чисто свѣтское, къ чему и направилась исторія новаго времени. Само собою разумѣется, что ходъ исторіи едва ли могъ быть сомнительнымъ на обѣихъ этихъ почвахъ.

Тамъ, гдѣ, на почвѣ католицизма, произошелъ расколъ между церковью и государствомъ, борьба ихъ должна была повести къ болѣе прямо поставленнымъ нападеніямъ свободныхъ мыслителей противъ религіознаго элемента, во многихъ случаяхъ при измѣнчивой терпимости со стороны государства, или къ рѣшительному пониженію мысли въ тѣхъ странахъ, гдѣ (какъ въ Испаніи) государство отказалось отъ своей исторической роли и связало свою судьбу съ поддержкою католицизма. Но борьба церкви съ государствомъ должна была на этой почвѣ вызвать и меньшую прочность государственныхъ формъ, болѣе революціонный характеръ исторіи, такъ какъ церковь, въ своихъ переживаніяхъ, составляла элементъ, подрывающій устойчивость свѣтскихъ государственныхъ формъ. Католическія страны естественно должны были сдѣлаться центрами проповѣди и распространенія антирелигіозной мысли въ самой рѣзкой и опредѣленной ея формѣ. При преобладаніи сословнаго элемента надъ государственнымъ, эти страны должны были сдѣлаться жертвою внутренняго религіознаго разлада, которымъ могли воспользоваться безцеремонные сосѣди, какъ это было въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка, какъ чуть не случилось съ Германіей въ первой половинѣ XVII. Тамъ же, гдѣ государственный элементъ успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ объединить территоріи и элементы сословные, католическія страны должны были сдѣлаться и почвою наиболѣе часто повторяющихся политическихъ революцій, причемъ церковь, со своей крѣпкой организаціей, могла переживать самыя тяжелыя потрясенія, снова и снова подготовляя періодъ реакціи. Нѣсколько революцій во Франціи, пронунціаменто въ Испаніи, развитіе карбонаризма въ Италіи, непрерывный рядъ переворотовъ въ католическихъ республикахъ Америки, наконецъ борьба національностей въ Австріи могутъ служить иллюстраціями для первой половины этого положенія, точно такъ же, какъ для второй подобную же иллюстрацію представляетъ католическая реакція XIX вѣка послѣ успѣшной борьбы съ infame въ XVIII и послѣ культа разума въ концѣ этого столѣтія.

На почвѣ протестантизма долженъ былъ естественно одолѣть, при условіяхъ историческаго движенія, процессъ постепеннаго обращенія религіозныхъ элементовъ общества въ свѣтскіе, при развитіи лицемѣрнаго прикрытія этой метаморфозы религіозною внѣшностью и при укрѣпленіи государственной связи общества. Тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи и въ Шотландіи, протестантизмъ проявилъ самыя рѣшительныя стремленія къ гоненію иновѣрцевъ, сектантовъ и свободныхъ мыслителей, всего прочнѣе установились и привычки государственной терпимости, т. е. въ сущности, религіознаго индифферентизма со стороны государства. Каково бы ни было исповѣданіе государя, признанное господствующимъ, государство стало *надъ* религіею и господствующею и диссентерскою. Поведенія

личнаго убѣжденія, поставленныя такъ высоко въ христіанствѣ въ его противоположеніи античнымъ обрядовымъ религіямъ, оказались совершенно второстепеннымъ дѣломъ для большинства, такъ какъ свѣтскій законъ государства былъ признанъ важнѣйшимъ руководящимъ элементомъ жизни. Государство укрѣплялось, но на счетъ нравственной силы личностей, пріучающихся къ сдѣлкамъ со своей совѣстью, къ лицемѣрію съ самимъ собою. Съ одной стороны, именно въ протестантскихъ государствахъ, на государя, какъ главу церкви, особенно ярко перешло то благоговѣніе, въ которомъ рядъ предыдущихъ поколѣній выросъ, когда предметомъ этого благоговѣнія были высшіе представители церкви. Почти религіозное почитаніе законныхъ формъ и стариннаго церемоніала въ Англіи, ту поразительную искренность преклоненія передъ представителями власти, которое наблюдалось и наблюдается въ Германіи, едва ли не приходится считать продуктами этого перенесенія на власть въ протестантскихъ странахъ церковнаго элемента и чувства религіознаго благоговѣнія, съ нимъ связаннаго. Съ другой стороны, какъ только въ протестантскихъ странахъ исторія пошла по направленію къ господству свѣтскаго элемента и къ атрофіи религіознаго, между тѣмъ какъ именно церковное значеніе власти принуждало ее — а, при усиленіи государственнаго элемента на счетъ церковнаго, принуждало и общество — тщательно оберегать внѣшнее уваженіе къ религіознымъ переживаніямъ, въ этихъ странахъ должно было роскошно разростаться стремленіе къ умственнымъ компромиссамъ. Религіозная мысль должна была все снова и снова пытаться, оставаясь въ своихъ формахъ религіозною, найти соглашеніе съ свѣтскими элементами, пріобрѣтавшими около нея все болѣе безспорное господство. Такихъ элементовъ было два: государство и свѣтская наука.

Съ государствомъ религіозный элементъ протестантизма вошелъ въ компромиссъ довольно просто, какъ мы только-что видѣли: государство сдѣлалось для него новою церковью, которую господствующее богословіе поддерживало духовными силами и которая, какъ вооруженная свѣтскимъ мечомъ, должна была охранять главенство господствующаго исповѣданія надъ иновѣрцами, сектантами и невѣрующими. Образцомъ служило при этомъ античное государство, въ которомъ религія уже совершенно сливалась съ политическою жизнью. Но, при этомъ,

не обращали вниманія на ту, весьма существенную, разницу, что античныя религіи были религіи преимущественно обрядовыя и національно исключительныя, такъ что чужеземецъ весьма часто не имѣлъ *права* совершать религіозно-національный обрядъ и это исключало пропаганду; тогда какъ христіанство было религіею, требовавшею личнаго убѣжденія; протестантизмъ даже выставилъ это ученіе о личномъ убѣжденіи и о вѣрѣ, какъ свой отличительный признакъ, и миссіонерская пропаганда, стремящаяся распространить всякое сектантское исповѣданіе на все человѣчество, была невыдѣлимымъ элементомъ всѣхъ христіанскихъ сектъ.

Но съ наукою компромиссъ былъ труднѣе, во первыхъ, потому, что она требовала себѣ такого же универсальнаго господства, какъ христіанство; во вторыхъ, потому что раздѣленіе ихъ территорій было менѣе удобно и становилось тѣмъ менѣе удобно, чѣмъ шире распространялась область знанія и чѣмъ требовательнѣе становились методы научнаго мышленія. На первыхъ порахъ, пока дѣло шло о математикѣ, физикѣ и астрономіи, можно было еще безъ особаго труда выдѣлить сферу вѣрованій изъ сферы знаній, хотя и тутъ приходилось толковать „слово божіе“ съ немалыми натяжками. Ученые спеціалисты, суживая мысль въ работѣ надъ немногими тщательно объединенными проблемами, были, сами по себѣ, враги не опасные, которые охотно, внѣ этихъ проблемъ, шли на сдѣлки. Но, рядомъ съ ними и среди нихъ, даже до того, что иногда трудно было отличить однихъ отъ другихъ, находились философы. Такъ какъ вся сущность философіи всегда заключалась въ томъ, чтобы объединить тѣмъ или другимъ способомъ весь матеріалъ знанія, вѣрованія и практическихъ мотивовъ, то философы новаго времени не могли никакъ обойти вопроса объ отношеніи научныхъ проблемъ и методовъ къ религіознымъ вѣрованіямъ. Приходилось соглашать научные результаты съ богословіемъ, научные методы съ продуктами христіанской миѳологіи и метафизики. Съ каждымъ десятилѣтіемъ новой исторіи возникали все новыя столкновенія, новыя затрудненія. Богословы возмущались. Не разъ они прибѣгали къ „главѣ церкви“, къ „охранителю вѣрованій“, къ свѣтской власти, требуя защиты для „слова божія“, для пунктовъ катихизиса вѣрованія, „признаннаго господствующимъ“. Иногда имъ удавалось раздавить врага въ частныхъ случаяхъ. Но въ

цѣломъ они постоянно терпѣли неудачу. Государство было, правда, „охранителемъ вѣрованій", но оно, прежде всего, было охранителемъ свѣтскихъ интересовъ, въ особенности же интересовъ матеріальныхъ. Наука оказалась такимъ прочнымъ источникомъ техническихъ изобрѣтеній и матеріальныхъ выгодъ, что государство явилось неизбѣжно союзникомъ ея самыхъ безобидныхъ частей, способствовало распространенію и само распространяло ея элементарные методы, не могло этимъ путемъ не содѣйствовать распространенію ея пріемовъ и привычекъ мышленія. Но именно въ этихъ пріемахъ и въ этихъ привычкахъ мышленія лежалъ самый существенный и опасный врагъ мысли религіозной. При этомъ ходѣ дѣлъ, можно было засадить въ тюрьму слишкомъ рѣзкаго мыслителя, можно было прогнать съ каѳедры неосторожнаго профессора, можно было сжечь какую-нибудь несчастную книгу, но, въ сущности, научные пріемы мысли и научныя привычки ея росли и распространялись; философскія міросозерцанія должны были, при своей объединяющей работѣ, все болѣе проникаться этими пріемами и привычками, а богословіе должно было терять почву и уступать Оно и уступало.

Сначала философія въ Англіи, у Бэкона и его учениковъ, попробовала раздѣлить территоріи мысли научно-философской и мысли религіозно-философской. Но взаимодѣйствіе съ болѣе рѣшительными философіями материка сдѣлало этотъ путь невозможнымъ. На почвѣ опытной психологіи выросло ученіе сенсуализма и именно изъ школы послѣдователей Бэкона выработалась та французская группа просвѣтителей и энциклопедистовъ, которая оказалась самымъ рѣшительнымъ врагомъ всѣхъ наличныхъ богословій и даже религіозной мысли вообще. Протестантское богословіе пошло на уступки. Оно выдвинуло ученіе раціонализма. „Слово божіе" оставалось безусловнымъ авторитетомъ, но его попытались надлежащимъ образомъ истолковать и понять. Все чудесное, все сверхъестественное, все противорѣчащее научнымъ результатамъ и новымъ нравственнымъ требованіямъ изъ него испарилось подъ ловкими руками истолкователей. Оставалось обыденное содержаніе, которое сохраняло всю букву Ветхаго и Новаго Завѣта, но обращало Моисея и Христа въ совершенно вульгарныя личности, вынимало изъ религіи какъ разъ все то, что составляло ея духъ, все то, что поднимало большинство неразвитыхъ

людей на минуту въ идеальныя сферы, что создавало для человѣка фантастическихъ помощниковъ въ борьбѣ и въ горѣ жизни, когда онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Въ сущности раціонализмъ былъ самымъ положительнымъ отрицаніемъ всякаго религіознаго чувства, всякаго религіознаго элемента мысли, совершенно опредѣленнымъ осуществленіемъ въ области такъ-называемаго богословія требованія историческаго перехода къ цивилизаціи чисто свѣтской. Но это было отрицаніе большею частью лицемѣрное, иногда безсознательное, которое для огромнаго большинства людей, не идущихъ далѣе внѣшности ученія, казалось охраненіемъ религіи, такъ какъ ни личности преданія, ни священные тексты не подвергались отрицанію. Богословіе, допуская подобный компромиссъ, полагало, что оно стоитъ на совершенно научной почвѣ и удовлетворяетъ въ то же время требованіямъ и философовъ-отрицателей, противниковъ религіознаго настроенія, и большинства, которому сберегаетъ привычные ему имена и тексты.

Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ богословамъ-раціоналистамъ пришлось разочароваться. Научнымъ требованіямъ они не удовлетворили, потому что научный методъ не дозволялъ произвольнаго выкидыванія изъ текстовъ всего ихъ сверхъестественнаго содержанія, допуская въ то же время, что фактическое содержаніе этихъ текстовъ достовѣрно; не дозволялъ онъ и психологическаго перенесенія на авторовъ священныхъ текстовъ того раціоналистическаго процесса мысли, съ которымъ приступали къ этимъ текстамъ люди новаго времени. Наука требовала критики событій естественныхъ и критики текстовъ, сообразно строю мысли времени происхожденія послѣднихъ, на столько же, насколько она отрицала сверхъестественныя событія и сверхъестественныя откровенія въ текстахъ. Всѣ тѣ личности, которыя по недостаточному развитію мысли, нуждались еще въ религіозномъ настроеніи при жизненной борьбѣ, были оттолкнуты раціоналистическими комментаріями, которые уничтожили всю идеальную, возвышающую сторону богословія. Большинство же, которое довольствовалось привычными названіями и привычными текстами, охотнѣе шло, подъ тѣмъ же побужденіемъ привычки, къ богословамъ стараго склада, повторявшимъ схоластическія разсужденія, нисколько не заботясь о ихъ примиреніи съ положеніями науки или обиходной нравственности, такъ какъ для этого большинства, точно такъ же

какъ для этихъ богослововъ, требованія объединяющей философской мысли вовсе не существовали.

При этихъ условіяхъ приближалась, наступила и прошла надъ Европой гроза первой французской революціи. Рядомъ съ нею готовилась и наступила реакція противъ всего строя мысли, ее вызвавшаго, но эта реакція, въ самыхъ сильныхъ своихъ элементахъ, была безсознательно наслѣдницею того самаго періода, противъ котораго она реагировала и котораго задачи она не могла не сохранить въ своей мысли и въ своей жизни.

Революція политическая была подавлена диктатурою имперіи и затѣмъ господствомъ надъ Европою Священнаго Союза. Но предъ всѣми правительствами стояли уже, какъ неустранимые призраки или какъ опасныя реальности, всѣ тѣ вопросы о конституціяхъ, о правахъ народовъ, о свободахъ различнаго рода, которые написаны были кровью въ исторіи предшествовавшихъ годовъ.

Философія просвѣтителей и энциклопедистовъ внушала ужасъ и отвращеніе, такъ какъ въ ней именно охотно видѣли подготовительницу и союзницу революціи. Ее признавали ненаучною. Въ ней съ возмущеніемъ указывали отсутствіе идеальныхъ требованій. Ее обвиняли въ непониманіи исторіи. Но ее приходилось замѣнить новою философіею и предъ этою философіею стояли прежніе вопросы, но еще заострившіеся. Въ ней требовала себѣ мѣсто наука, методы которой стали еще строже и которая, именно въ эту эпоху, дала новое поколѣніе замѣчательныхъ умовъ: это было время Лавуазье и Монжей, Лагранжей, Лапласовъ и Кювье, Адамовъ Смитовъ и Рикардо. Въ философіи надо было дать мѣсто религіи въ той или другой формѣ, такъ какъ реакція происходила въ особенности на почвѣ оппозиціи борьбѣ просвѣтителей противъ l'infame и своими союзниками считала духовенство всѣхъ исповѣданій. Но вернуться къ средневѣковой схоластикѣ было невозможно; привычки научныхъ пріемовъ критики успѣли уже въ значительной степени укорениться; приходилось искать новой формы компромисса между знаніемъ и богословіемъ, имѣя въ виду всю критическую литературу энциклопедистовъ, всѣ неудачныя попытки раціоналистовъ. Въ новой философіи требовали себѣ мѣсто и еще элементы, на которые прежде не обращала или обращала лишь мимоходомъ вниманіе объединяющая мысль. Какъ одно изъ раннихъ явленій реакціи противъ раціонали-

стической мысли, подготовлявшей взрывъ революціи, имѣло мѣсто въ Германіи поэтическое возрожденіе, которое дало не только такія первостепенныя силы, какъ Гете и Шиллера, но окружило ихъ цѣлою плеядою меньшихъ поэтическихъ свѣтилъ и вызвало особенное романтическое движеніе въ Германіи, движеніе, имѣвшее въ виду внести во всѣ области мысли и жизни тотъ процессъ фантазіи, который имѣетъ мѣсто при свободномъ творчествѣ художника. Кромѣ того, вопросы общественные вообще и государственные въ частности, игравшіе весьма незначительную роль въ работѣ объединяющей мысли предъидущихъ періодовъ, когда политическая дѣятельность была, большею частью, закрыта мыслителю, теперь, въ продолженіе грознаго и разносторонняго опыта французской революціи и послѣ него, не могли уже не требовать себѣ мѣста въ философскихъ системахъ. Всѣ эти старыя и новыя условія для работы философской мысли и вызвали то замѣчательное движеніе послѣдней которое обозначается развитіемъ нѣмецкаго идеализма, и главнымъ образомъ охватило ровно полвѣка, начиная появленіемъ „Критики чистаго разума“ Канта въ 1781 г. и кончая смертью Гегеля въ 1831 г.

Общественное положеніе большинства участниковъ нѣмецкаго идеалистическаго движенія сильно вліяло и на характеръ послѣдняго. Они, въ значительной долѣ, вырабатывались изъ семей пасторовъ протестантской церкви, развивались въ средѣ молодежи, готовившейся занять мѣсто духовныхъ проповѣдниковъ, и кругъ ихъ дѣятельности былъ обусловленъ положеніемъ профессора въ нѣмецкихъ университетахъ, преимущественно расположенныхъ въ небольшихъ городахъ, слѣдовательно вдали отъ главныхъ центровъ политической и промышленной жизни. Отсюда произошелъ нѣсколько богословскій и отвлеченный характеръ ихъ работъ, который, во-первыхъ, не могъ допустить ни прямой вражды съ религіею господствовавшей среди французскихъ энциклопедистовъ, ни даже равнодушія къ ней, которое сквозило сквозь почтительное отношеніе къ ней Бэконовъ, Локковъ, Юмовъ въ Англіи, людей, для которыхъ свѣтскія заботы уже оттѣсняли на второй планъ вопросы религіозные. Такъ какъ протестантизмъ пытался связать церковный вопросъ съ задачами свѣтскаго общества, то для мыслителей, выработавшихся на почвѣ этихъ привычекъ мысли, отношеніе свѣтскаго знанія къ священному преданію и

научныхъ методовъ къ религіозному мышленію было самымъ важнымъ вопросомъ, и главная побѣда мысли должна была быть одержана на этой почвѣ, чтобы раздѣлаться съ тѣми унаслѣдованными лицемѣрными компромиссами между вѣрованіемъ и пониманіемъ, между религіею и наукою, которыя вросли какъ бы въ самую сущность протестантскаго богословія.

Но нѣмецкій идеализмъ, предъ которымъ стояло именно это историческое требованіе, самъ поставилъ себѣ другое и, притомъ, двойственное. Во-первыхъ, онъ намѣревался выполнить задачу науки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ дѣлало это эмпирическое и математическое знаніе. Онъ думалъ сдѣлать это, разрѣшая не только задачи послѣдняго, но и задачи, которыхъ оно рѣшать было не въ состояніи. Во-вторыхъ, идеализмъ имѣлъ въ виду дать человѣку, помимо религіознаго преданія, такой комплексъ продуктовъ идеальнаго творчества, который замѣнилъ бы для адептовъ новыхъ ученій прежнія религіи съ ихъ фантастическимъ міромъ, возвышающимъ вѣрующаго надъ обыденными дрязгами жизни и доставляющимъ ему духовную помощь и утѣшеніе въ минуты безсилія и подавленія въ жизненной борьбѣ. Идеализмъ объявилъ себя высшею наукою и, въ то же время, стремился занять мѣсто религіи *).

Въ ученіи Эмануила Канта, наканунѣ французской революціи, идеализмъ выступилъ, дѣйствительно, какъ попытка болѣе широкой науки. Онъ отвергъ метафизику, поставивъ ее на одинъ уровень съ мечтаніями духовидцевъ. Онъ отрицалъ всякую возможность для человѣка, путемъ теоретическаго мышленія, проникнуть въ міръ субстанцій, „вещей самихъ въ себѣ“. Онъ предложилъ человѣку вполнѣ научную задачу установить предѣлы возможнаго знанія. Онъ пытался выработать строго-научную и въ то же время возвышающую теорію нравственнаго долга и намѣтилъ соціологическую задачу, что общественныя формы должны быть обусловлены нравственными требованіями личности. Но событія этого бурнаго періода давили на мысль современниковъ и вызывали, особенно въ Германіи, во имя національнаго возмущенія, реакцію противъ всѣхъ элементовъ мысли и жизни, связанныхъ съ французскою революціею. Подъ этимъ вліяніемъ нѣмецкій идеализмъ все болѣе отдалялся отъ задачъ, поставленныхъ Кантомъ. Изъ его ученія въ особенности развивались тѣ элементы, которые давали поводъ къ новымъ метафизическимъ умозрѣніямъ и позволяли вырабатывать пріемы мышленія, наиболѣе близкіе къ религіозному настроенію или къ экстазу художника. Въ ученіяхъ старшаго Фихте и Шеллинга выставлена была на первый планъ возможность проникнуть мыслью въ міръ сущностей. Въ то самое время, какъ Фихте призывалъ нѣмецкую молодежь къ борьбѣ противъ европейской диктатуры Наполеона, онъ воодушевлялъ ее и метафизическою картиною того процесса, какъ независимое я человѣческаго мышленія создаетъ изъ себя весь мыслимый міръ и въ своемъ творческомъ „дѣлѣ“ является иниціаторомъ истины и блага. Развертывая предъ восторженными учениками въ своихъ отрывочныхъ произведеніяхъ широкій горизонтъ явленій природы и древнихъ миѳовъ, объединенныхъ смѣлою мыслью, философъ романтизма, молодой Шеллингъ, вносилъ произволъ художественнаго творчества въ свое философское построеніе, прельщалъ современниковъ Гете и Шиллера именно эстетическою стороною своихъ „началъ“, почти никогда не имѣвшихъ „конца“, и, какъ истый романтикъ, въ свою долгую жизнь переходилъ беззаботно отъ одного міровоззрѣнія къ другому, пока, наконецъ, не взошелъ въ 1841 г., какъ привидѣніе вымершаго идеализма, на берлинскую каѳедру проповѣдникомъ „положительной философіи откровенія“, подобно тому, какъ другіе романтики успокоивались въ лонѣ католицизма.

Но завершеніемъ нѣмецкаго идеализма, съ тою обширною его задачею, которая выше указана, было ученіе Гегеля, который понялъ эту задачу всего глубже и попытался рѣшить ее со всѣмъ совершенствомъ, доступнымъ точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ нѣмецкій идеализмъ. Не считая нужнымъ здѣсь входить въ подробности, я ограничиваюсь лишь самыми основными элементами его ученія и тѣмъ, что затронуто въ статьѣ Карла Маркса.

Гегель унаслѣдовалъ отъ предшественниковъ-идеалистовъ убѣжденіе, что мыслью можно проникнуть въ сущность вещей.

*) Въ „Гегелизмѣ“ 1858—59 годовъ я прямо называлъ это ученіе религіей, но это, конечно, не точно, такъ какъ между метафизическимъ ученіемъ и религіозною проповѣдью всегда остается существенная разница. Попытки первыхъ играть роль вторыхъ имѣли не разъ мѣсто, но онѣ удачными быть не могли.

Онъ возвратился къ научной сторонѣ идеализма, къ требованію понять все сущее путемъ строгаго метода, который былъ для него методомъ научнымъ. Онъ создалъ методъ, сущность котораго заключалась въ опредѣленномъ пріемѣ развитія понятія отъ самаго общаго и отвлеченнаго до самаго сложнаго и конкретнаго. Самыя прочныя и опредѣленныя понятія и формы прежнихъ ученій о мысли, о природѣ, о человѣкѣ, объ обществѣ потеряли подъ разлагающимъ дѣйствіемъ діалектики новой философіи свою прочность, сдѣлались лишь преходящими фазисами, подготовленными другими понятіями и формами, и подготовляющими еще дальнѣйшіе фазисы развитія. Но для Гегеля это не было *только* развитіе *понятія о сущемъ*; это былъ, въ то же время, процессъ развитія *самаго сущаго*, начиная съ логическихъ категорій, переходя къ реальнымъ законамъ природы и кончая историческими категоріями жизни человѣчества, причемъ все завершалось тѣмъ пониманіемъ логики, природы и исторіи, которое заключала въ себѣ философія безусловнаго идеализма, именно философія Гегеля. И Гегель не только набросалъ планъ этого зданія. Онъ выполнилъ этотъ планъ. Его объединяющая мысль размѣстила по многочисленнымъ ступенямъ длинныхъ лѣстницъ трехъ главныхъ отдѣловъ его системы всѣ логическіе пріемы, всѣ явленія природы, всѣ катастрофы исторіи, всѣ продукты художественнаго, религіознаго, метафизическаго творчества. Онъ не противополагалъ свое ученіе другимъ: онъ поглощалъ въ своемъ ученіи всѣ прочія, которыя оказывались нечѣмъ инымъ, какъ недодуманными элементами единаго процесса, охваченнаго лишь въ гегелизмѣ во всѣхъ его фазисахъ. Понявъ все, гегелизмъ могъ сказать, что выполнилъ задачу высшей науки. Построивъ великолѣпное энциклопедическое зданіе мысли, онъ совершилъ архитектоническій подвигъ, который былъ восхитителенъ для людей эстетическаго направленія, не говоря уже о томъ замѣчательномъ приложеніи философіи къ вопросамъ искусства, которое онъ далъ въ одномъ изъ спеціальныхъ курсовъ своихъ берлинскихъ лекцій. Наконецъ, въ величественномъ представленіи безусловнаго духа, совершающаго свое развитіе въ природѣ и въ исторіи по законамъ діалектическаго процесса человѣческой мысли, въ указаніи безусловно-правильнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ мысли, уясненія всѣхъ заботъ жизни путемъ пониманія того и другого по безошибоч-

ному методу, какъ элементовъ всеобъемлющей истины, гегелизмъ выступалъ предъ своими адептами, какъ вѣрная помощь въ безсиліи мысли и въ треволненіяхъ жизни, способная вполнѣ замѣнить помощь прежнихъ вѣрованій. Успокоивая и нравственные порывы личности и недовольство общества, въ пониманіи разумности всего дѣйствительнаго, не выполнилъ ли онъ задачу самой обработанной религіи? Къ этимъ достоинствамъ, увлекавшимъ самые сильные и замѣчательные умы, для большинства въ эпоху реакціи первыхъ десятилѣтій нашего вѣка прибавлялось еще привлекательное достоинство. Совершенно независимый логическій процессъ развитія безусловнаго духа въ религіозныхъ формахъ пришелъ самъ собою въ берлинскихъ лекціяхъ о „философіи религіи“ къ тѣмъ положеніямъ, которыя составляли главную догматическую схему государственнаго прусскаго богословія этой эпохи. Признавая разумною историческую дѣйствительность, сообразную категоріямъ „философіи права“, въ этомъ трудѣ какъ-то фатально возникала двусмысленность, на основаніи которой можно было легко допустить, что именно та жалкая дѣйствительность, которую видѣли около себя нѣмцы въ эти печальные годы, была дѣйствительность разумная.

А между тѣмъ исторія не останавливалась. Эпоха утомленія послѣ бурь революціи и наполеоновскихъ войнъ проходила. Среди южно-европейскихъ и американскихъ романскихъ націй шла борьба за независимость. Противъ этихъ-то волненій, имѣвшихъ мѣсто у второстепенныхъ народовъ и противъ остатковъ нѣмецкаго либерализма, которые можно было почерпнуть изъ ученія Канта и Фихте, у профессоровъ, подобныхъ гонимому Гегелемъ Фризу, направлены были „Основы философіи права“ Гегеля, появившіяся въ 1821 г. и составившія предметъ его университетскихъ лекцій 1821—22, 1822—23 и 1824—25 годовъ. Гегель полагалъ, что онъ разгромилъ всякое противорѣчіе. Но исторія приготовила ему неожиданность. Вспыхнула іюльская революція и отозвалась болѣе или менѣе значительными взрывами по всей Европѣ. Началось волненіе умовъ и въ Германіи. Даже среди своихъ учениковъ (особенно у юриста Ганса) Гегель замѣтилъ, что „пониманіе свободы“ не подавило „низшихъ“ фазисовъ стремленія къ свободѣ. Онъ назначилъ на зимній семестръ 1831—32 г. снова курсъ „философіи права“. Но ходъ безсознательныхъ процессовъ

природы отмѣнилъ это рѣшеніе. Высшій представитель нѣмецкой идеалистической метафизики умеръ отъ холеры 14 ноября 1831 г.

Авторитетъ великаго учителя не мѣшалъ уже толкованію и раздорамъ внутри школы. Всѣ ученики принимали его требованіе понять все сущее, и удовлетвориться только въ *полномъ* его пониманіи. Философія съ ея діалектическимъ методомъ была признана высшимъ и господствующимъ оружіемъ мысли. Все, что было дѣйствительно, согласно ея построенію, было и разумно и должно было господствовать надъ низшими элементами. Но что именно, въ наличныхъ фактахъ и формахъ, было дѣйствительно, а не призрачно? Что, слѣдовательно, было разумно и *должно* было господствовать? Учитель далъ безусловно-вѣрный, по мнѣнію учениковъ, методъ, но всегда ли полно приложилъ его, всегда ли ясно высказалъ необходимыя заключенія? Точно ли догматы оффиціальнаго прусскаго богословія были необходимыми высшими продуктами приложенія діалектическаго метода къ религіозному мышленію? Точно ли политическіе формы Германіи представляли нѣчто дѣйствительное—слѣдовательно и разумное,—а не были призраками, которые слѣдовало разогнать во имя разума? Наконецъ, во имя того самаго діалектическаго метода, приложеннаго къ самымъ основамъ гегелевскаго построенія, нельзя ли было разумѣть нѣчто иное подъ развитіемъ безусловнаго духа? По учителю, этотъ безусловный духъ, сначала, въ своемъ божественномъ спокойствіи, создавалъ рядъ логическихъ категорій; потомъ объективировался въ законахъ природы, и, окончательно, на почвѣ послѣдней, сознавалъ себя все полнѣе и полнѣе въ личной, общественной и исторической эволюціи человѣка. Не было ли тутъ, во имя болѣе строгой критики, возможно и необходимо небольшое измѣненіе? Подъ формулою безусловнаго духа не скрывалась ли эволюція безсознательнаго вещества въ сознательную личность и въ прогрессивную исторію? Не составлялъ ли матеріализмъ дѣйствительной и разумной подкладки всего идеалистическаго построенія и нельзя ли было еще лучше и полнѣе понять все величественное зданіе природы и исторіи, выходя изъ этой точки зрѣнія? Если „безусловный духъ“ (или „богъ“, какъ иногда выражался Гегель) вполнѣ сознаетъ себя таковымъ лишь въ человѣкѣ на высшей ступени общественной и философской эволюціи, то не слѣ-

дуетъ ли разсматривать мысль человѣка, достигшаго этой ступени, какъ единственное божественное начало, вся божественность котораго заключается въ его теоретическомъ пониманіи и въ практическомъ творчествѣ имъ разумныхъ общественныхъ формъ?

Почти немедленно послѣ смерти Гегеля начались и быстро усилились раздоры въ средѣ школы относительно *настоящаго* пониманія его ученія по отношеніи къ религіи и политикѣ. Уже съ 1826 г. вырабатывалъ въ Тюбингенѣ Фердинандъ Христіанъ Бауръ основы знаменитой тюбингенской школы богословія, внесшей самую неумолимую критику въ исторію древнѣйшаго періода христіанства. Въ 1835 г. изъ того же Тюбингена вышла книга Давида Штрауса, взволновавшая весь богословскій міръ, такъ какъ она однимъ ударомъ уничтожала помощью строгой критики и ортодоксальное преданіе о жизни Христа, и раціоналистическое толкованіе этого преданія. Эта жизнь, основа христіанскаго ученія даже въ самыхъ свободомыслящихъ школахъ протестантизма, была выставлена какъ собраніе миѳовъ. На спорѣ объ этой книгѣ произошло окончательное распаденіе гегелизма. Въ 1836 г. лѣвая сторона его получила свой органъ: „Галльскія Лѣтописи“ (Hallesch Jahrbücher“, потомъ „Deutsche J.“) подъ руководствомъ Арнольда Руге. Въ нихъ поставлена была знаменемъ неумолимая критика, и Людвигъ Фейербахъ провозгласилъ уже въ № 7: „Необходима свобода, необходима философія, но не Гюгель, не Фихте, не Кантъ“. Въ 1841 г. появилась его „Сущность христіанства“, за которой послѣдовала „Сущность религіи“. Въ христіанскомъ ученіи, какъ во всѣхъ религіяхъ, указаны были нравственныя требованія человѣка, какъ источникъ всякаго религіознаго творчества. Высшимъ существомъ для человѣка оказался „человѣкъ“. Длинный рядъ компромиссовъ, имѣвшихъ мѣсто въ средѣ протестантизма между религіознымъ и научнымъ строемъ мысли, рядъ, который въ германскомъ идеализмѣ только что достигъ, повидимому, самаго блестящаго успѣха, привелъ къ самому рѣзкому противоположенію между этими двумя областями мысли, какъ къ единственному логическому выводу изъ критическаго развитія этого самаго идеализма. Да и изъ-подъ величественнаго покрова идеалистической метафизики высвободилась сущ-

ность прямо-противоположнаго ученія. Людвигъ Фейербахъ объявилъ себя матеріалистомъ *).

Но на области религіи критика „лѣвыхъ“ гегельянцевъ не остановилась. „Критика религіи была, какъ сказалъ Карлъ Марксъ въ первыхъ строкахъ статьи, переводъ которой передъ читателями, въ своемъ существенномъ содержаніи окончена“. Неизбѣжно было перейти къ критикѣ общественныхъ условій. Эпоха реакціи читала въ „Философіи права“ Гегеля лишь самые консервативные ея положенія и выводы. Нѣмецкая историческая школа права, уже въ 1814 г. отрицавшая съ Савиньи у новаго времени право на измѣненіе юридическихъ формъ общества, именно въ 1830 г. выступила, съ первымъ томомъ большого труда Сталя, какъ проповѣдь самой рѣшительной реакціи. Фейербахъ направилъ свои удары на этого „Шейлока-слугу съ его христіанско-германскимъ векселемъ“ **), по выраженію Карла Маркса. Приходилось, по его же словамъ, объявить „войну германскимъ порядкамъ“. Но приходилось, прежде всего, опредѣлить свое отношеніе къ книгѣ учителя, на которую опирались консерваторы и реакціонеры. Арнольдъ Руге началъ печатать въ своемъ журналѣ рядъ озлобленныхъ статей противъ Пруссіи, собранный имъ впослѣдствіи подъ названіемъ „Пруссія и реакція“. „Галльскія Лѣтописи“ были запрещены, но возродились въ Саксоніи въ 1842 г., какъ „Нѣмецкія Лѣтописи“. Въ нихъ уже Арнольдъ Руге подвергъ критикѣ „Философію права“ Гегеля. Онъ находилъ противорѣчіе въ томъ, что Гегель признавалъ разумнымъ государство, лишенное дѣйствительности, потому что оно еще не есть государство и не хочетъ имъ сдѣлаться, не заключая въ себѣ формъ свободнаго и вмѣстѣ

*) Я позволяю себѣ думать, что философское ученіе Людвига Фейербаха, Карла Маркса, Фридриха Энгельса и ихъ единомышленниковъ настолько, въ сущности, отлично отъ тѣхъ ученій, которыя въ прежнее время носили названіе „матеріалистическихъ“, что едва ли не напрасно они удержали этотъ терминъ, но здѣсь не мѣсто доказывать это мнѣніе, а такъ какъ они сами удержали терминъ, то приходится къ нимъ прилагать его.

**) Сталь былъ крещеный еврей, ставшій защитникомъ самой мрачной христіанской ортодоксальности съ обычною ревностью ренегатовъ. Онъ назвалъ свой трудъ: „Философія права съ исторической точки зрѣнія“. (1830—37).

съ тѣмъ законнаго развитія. Руге указывалъ на обязанность философа „бросать истину въ міръ какъ ферментъ“; на невозможность для него ограничиться пониманіемъ“ и на немъ успокоиться; на то недовольство, которое вызывается сознаніемъ, что наличная дѣйствительность не есть еще дѣйствительность разумная; на потребность въ этомъ случаѣ не только понимать, но *что-нибудь сдѣлать*. Руге утверждалъ, что время требуетъ критики, въ особенности въ приложеніи ко всѣмъ историческимъ явленіямъ, такъ какъ самый историческій процессъ есть постоянная критика. Каждая эпоха противопоставляетъ современную ей наличную дѣйствительность понятію о *надлежащей* дѣйствительности и, въ своемъ стремленіи улучшить первую, переходитъ къ другой, высшей эпохѣ.

Въ томъ же 1842 г. Карлъ Марксъ сталъ руководителемъ „Рейнской Газеты“, радикализмъ которой повелъ къ ея закрытію въ 1843 г. Тогда онъ, вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге, основалъ тѣ „Нѣмецко-Французскія Лѣтописи“, гдѣ онъ помѣстилъ статью, переводъ которой представляется теперь русскимъ читателямъ. Здѣсь разрушительная гегелевская діалектика направилась уже не только на политическій міръ Германіи, который былъ для Маркса „анахронизмомъ“ въ виду болѣе передового политическаго развитія Франціи. За политическими вопросами указана „главная задача новаго времени“ „отношеніе индустріи, вообще міра экономическаго, къ міру политическому“. „Германскіе порядки“ авторъ объявляетъ „ниже критики“, „ниже уровня исторіи“, чѣмъ-то „настолько презрѣннымъ, насколько и презираемымъ“, указывая въ то же время, что они, какъ „заноза“ переживаній стараго режима, еще „засѣли въ тѣлѣ современнаго государства“ „обновленныхъ“ народовъ. Но у этихъ самыхъ „обновленныхъ“ государствъ, какъ и въ нѣмецкомъ философскомъ „пониманіи государства“, Марксъ указываетъ конституціонную „испорченность тѣла“. Представителемъ будущаго фазиса исторіи, новой ея эпохи, долженъ былъ явиться, какъ онъ предвидитъ, классъ, относительно котораго „нарушена правда вообще“, и который „организуетъ весь строй человѣческой жизни на базисѣ соціальной свободы“. Такимъ классомъ оказывался пролетаріатъ и онъ долженъ былъ осуществить эту задачу будущаго. Германіи, въ политическихъ условіяхъ ея жизни, приходилось, для рѣшенія этой задачи

будущаго, „перескочить“ чрезъ фазисъ, пережитый „обновленными народами“ въ практической жизни, ею же, по мнѣнію Маркса, лишь въ теоретической. Для Карла Маркса въ „Философіи права“ Гегеля Германія имѣла теоретическое явленіе, соотвѣтствовавшее практическому политическому движенію, совершившемуся во Франціи, и, подвергая критикѣ этотъ высшій продуктъ нѣмецкой мысли, онъ, одновременно, при помощи „Философіи права“ долженъ былъ показать несостоятельность наличнаго политическаго строя въ Германіи, а въ критикѣ „Философіи права“ долженъ былъ обнаружить недостатки буржуазнаго строя, давшаго свои лучшіе результаты въ политическихъ революціяхъ Франціи. Переходъ нѣмецкой мысли отъ идеализма къ тому „матеріализму“, который, отказываясь отъ безусловной истины, искалъ истину „для человѣка“, былъ для Карла Маркса неразрывно связанъ съ переходомъ отъ политическаго строя, представлявшаго „анахронизмъ“, путемъ самой „основательной“ революціи, къ строю, экономическія основы котораго обусловливали бы его политическія пріобрѣтенія. Эта революція настолько же стояла бы выше прежнихъ политическихъ революцій Франціи, насколько антропологическій реализмъ Фейербаха стоялъ выше метафизическаго идеализма Гегеля, изъ котораго онъ развился, какъ высшій фазисъ. Изъ послѣднихъ строкъ статьи видно, что Карлъ Марксъ ждалъ перваго толчка этой революціи отъ Франціи.

Но борьба за торжество пролетаріата надъ строемъ политически-обновленныхъ народовъ съ его конституціонною болѣзнью не дѣлала Карла Маркса въ 1844 г. сколько бы то ни было равнодушнымъ къ недостаткамъ тѣхъ „германскихъ порядковъ“, которымъ онъ „объявилъ войну“ вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге. Они стояли „ниже критики“, но относительно ихъ приходилось критикѣ играть роль „палача“. Это былъ „врагъ“, котораго надо было „уничтожить“, зная что „матеріальная сила должна быть низвергнута лишь матерьяльной силой“. Въ этомъ именно заключалась одна доля задачъ критики новой философіи, задачъ, „рѣшеніе которыхъ“ было „возможно лишь путемъ *практики*“. Въ этомъ, между прочимъ, рядомъ съ „уничтоженіемъ пролетаріата“, заключался и тотъ переходъ „философіи въ дѣйствительность“, который былъ девизомъ новаго ученія. Гегелизмъ, выступавшій предъ этимъ какъ бы охранителемъ наличнаго общественнаго строя, и сдѣлавшійся въ „Галльскихъ Лѣтописяхъ“ уже ученіемъ революціи политической, въ статьѣ Маркса развертывалъ знамя революціи политически-соціальной.

Русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ моментъ, въ который появилась статья Маркса, можетъ выказать много сходныхъ пунктовъ съ тѣмъ, что представляетъ теперь наша родина. Россіи приходится добыть не только политическія гражданскія права, къ которымъ она „должна стремиться, какъ къ освобожденію отъ своихъ дѣйствительныхъ стѣсненій“; она должна „перескочить“ и чрезъ тѣ политическія формы, которыя пріобрѣтены другими націями въ иллюзіонномъ предположеніи, что въ этихъ политическихъ формахъ — *все* спасеніе. Во всей Европѣ теперь уже сознаютъ, что парламентаризмъ, *въ томъ видѣ*, въ какомъ мы его видимъ въ современныхъ намъ государствахъ, именно какъ форма классоваго (хотя и не сословнаго) господства, есть источникъ опасныхъ болѣзней общества. Чрезъ *это* препятствіе, чрезъ *классовый* парламентаризмъ, какъ одно изъ проявленій капиталистическаго порядка, приходится „перескочить“ освобожденной Россіи, чтобы стать на уровень современныхъ общественныхъ задачъ. Соціалисты въ Россіи, какъ и всюду, увѣрены, что лишь организація городскихъ и сельскихъ рабочихъ, въ руки которыхъ должны перейти орудія труда, можетъ быть подкладкою строя, находящагося на уровнѣ этихъ задачъ. Есть не мало развитыхъ умовъ въ Россіи, которые не идутъ такъ далеко, но тѣмъ не менѣе не закрываютъ глазъ предъ болѣзненными явленіями европейскаго классоваго парламентаризма и ищутъ при этомъ политическихъ формъ, устраняющихъ и только-что указанныя болѣзненныя явленія, не доходя до соціалистическихъ рѣшеній. Есть въ Россіи и „энтузіасты“, представляющіе нѣкоторую аналогію съ тѣми, которые искали германской свободы „въ первобытныхъ тевтонскихъ лѣсахъ“. Это — крайніе „народники“ разныхъ толковъ. Русскіе соціалисты увѣрены, что внимательное вдумываніе въ историческую постановку задачъ *должно* привести всѣхъ развитыхъ и искрен-

нихъ русскихъ къ соціалистическому рѣшенію вопроса, но относятся съ уваженіемъ ко всѣмъ, которые сознаютъ задачу содѣйствовать организаціи въ нашемъ отечествѣ строя, не имѣющаго недостатковъ классоваго парламентаризма. Для соціалистовъ, какъ и для не-соціалистовъ, достигшихъ пониманія современныхъ задачъ исторіи, „въ этомъ—вопросъ".

Задача, поставленная Карломъ Марксомъ Германіи въ 1844 г., ею до сихъ поръ не выполнена. Она, все таки, въ своихъ политическихъ формахъ, представляетъ нѣчто уродливое и анахроническое въ сравненіи съ передовыми державами Европы. Но громадныя уступки новымъ требованіямъ времени и въ ней были сдѣланы. Существованіе въ ней крупныхъ „переживаній стараго режима" обусловлено тѣмъ громаднымъ политическимъ преобладаніемъ, которое доставили временно Германіи представители консерватизма. Опьяненіе политическимъ могуществомъ слишкомъ естественное явленіе въ исторіи, чтобы имъ возмущаться. Германія уже заплатила за него довольно дорогою цѣною, особенно для *нея*, занимавшей еще недавно такое высокое, можно сказать, руководящее положеніе среди европейскихъ націй въ области работы мысли; она заплатила значительнымъ пониженіемъ средняго уровня мысли именно у ея руководящихъ умовъ. Но опьяненія проходятъ, если они не убиваютъ націй. Крѣпкая организація нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и ея ростъ, несмотря на всѣ гоненія, суть здоровые симптомы, обѣщающіе скорое отрезвленіе. И тогда предъ Германіей станетъ опять та же самая задача, которую поставилъ ей тому около полувѣка назадъ Карлъ Марксъ, задача „совершить революцію самымъ основательнымъ образомъ", имѣя предъ собою уже не Германію эпохи Метерниха и Фридриха-Вильгельма IV, но Германію, пережившую франкфуртскій парламентъ и баденскую рѣзню, проповѣдь Лассаля и милитарную имперію Бисмарка, „культурную борьбу" противъ католицизма и законъ 1878 г. противъ соціалистовъ.

Русское самодержавіе не имѣетъ за себя ни того ореола военной славы и достигнутаго могущества, которыми Бисмаркъ и Мольтке окружили нынѣшнюю Германію, ни той призрачной „разумности", въ которую облекла Пруссію тридцатыхъ годовъ внѣшнимъ образомъ понятая и нѣсколько двусмысленная „Философія права" Гегеля. Русскимъ приходилось не разъ краснѣть въ присутствіи ограниченности, тупости и неумѣлости пособни-

ковъ этого самодержавія, даже съ точки зрѣнія его правительственныхъ интересовъ. Оно было не только возмутительно, но иногда и жалко. Его „разумность" не приходило въ голову защищать ни одному искреннему и развитому мыслителю. Его нелѣпость по сущности, его мѣсто „ниже критики", суть положенія само собою разумѣющіяся. Защитники его могутъ сказать лишь одно: при данныхъ условіяхъ оно существуетъ, значитъ ему есть причина существовать; русскіе не требуютъ и не завоевываютъ лучшаго, значитъ они лучшаго и не стоятъ. Большинство русскихъ должно выслушивать эту аргументацію съ краскою стыда на щекахъ, такъ какъ каждому изъ нихъ нечего отвѣчать на вопросъ: что сдѣлалъ *ты*, какъ „негодующая" личность, чтобы высказать свое *требованіе* лучшаго? Небольшому меньшинству либераловъ-декабристовъ 1825 г., гуманитарныхъ литераторовъ 50 и 60 годовъ, соціалистовъ-пропагандистовъ начала 70 и соціалистовъ народовольцевъ конца этихъ годовъ стыдиться нечего. Они не сумѣли завоевать своему отечеству лучшаго; они дѣлали ошибки и поплатились за нихъ; но они *заявляли* свои *требованія* лучшаго; они выступали предъ исторіей, какъ единственный элементъ прогресса въ Россіи. Дѣло всѣхъ развитыхъ русскихъ людей — продолжать въ новыхъ формахъ, обусловливаемыхъ эпохою, заявленіе своихъ *требованій* въ той двойной формѣ, въ какой они стоятъ на уровнѣ времени: требованіе свободныхъ политическихъ формъ на основаніи общественнаго строя, устраняющаго недостатки нынѣшняго западнаго классоваго парламентаризма.

Въ одномъ отношеніи, повидимому, современная задача русскихъ развитыхъ людей совершенно отличается отъ задачи, поставленной въ 1844 г. Марксомъ для Германіи. Тамъ рѣчь была о борьбѣ противъ идеалистическаго гегелизма во имя философіи „для человѣка", ставящей основнымъ положеніемъ, что „корень всего для человѣка заключается въ самомъ человѣкѣ". Эта новая философія естественно выходила, какъ болѣе продуманный результатъ, изъ всей эволюціи идеализма въ его самыхъ совершенныхъ формахъ. Съ „переходомъ" новой философіи „въ дѣйствительность" связывалъ Карлъ Марксъ въ своемъ „Введеніи" соціальный переворотъ, „уничтоженіе пролетаріата". Онъ какъ бы отрицалъ возможность этого уничтоженія безъ связаннаго съ нимъ „перехода этой фило-

софіи въ дѣйствительность“. А это, конечно, предполагало сначала выработку подобной философіи въ теоріи; предполагало, слѣдовательно, оживленную борьбу философскихъ взглядовъ, и торжество въ нихъ реальнаго элемента надъ религіознымъ и метафизическимъ. Такимъ образомъ предполагался цѣлый рядъ явленій въ теоретической области, который имѣлъ мѣсто въ Германіи, но совершенно чуждъ нашей родинѣ.

Процессъ борьбы религіозныхъ, метафизическихъ и реально-антропологическихъ идей въ исторіи нѣмецкой мысли былъ слѣдствіемъ протестантизма и его роли въ исторіи мысли человѣчества. Этого процесса, въ подобной формѣ, нельзя ждать тамъ, гдѣ эта подкладка не существовала Соціализмъ во Франціи, въ Англіи, на югѣ Европы имѣлъ другія подкладки, другую исторію и не нуждался въ гегельянской философіи съ ея религіозною критикою, чтобы установить свои начала. Это самое справедливо и для нашей родины.

Православіе никогда не играло видной общественной роли. Оно было слугою византійскихъ императоровъ, московскихъ царей и петербургскихъ самодержцевъ. Оно оставило свою паству при пріемахъ колдовства и церемоніала, унаслѣдованныхъ отъ доисторическаго времени, не внося въ нее ни одного изъ живыхъ элементовъ, воспринятыхъ христіанствомъ отъ греческой философіи; ни требованія устроить личную жизнь и общество на основаніи убѣжденія, ни стремленія распространить по возможности шире то убѣжденіе, въ которомъ личность видитъ истину. Православіе было и осталось ученіемъ обрядности, вовсе не вліяя на строй мысли человѣка и на воплощеніе этой мысли въ жизнь. Когда же изъ него сталъ вырабатываться расколъ съ его нравственно-житейскими требованіями, тогда господствующіе классы въ Россіи находились уже подъ вліяніемъ новой европейской исторіи, съ ея чисто-свѣтскими требованіями, и для нихъ опять-таки православіе осталось формою обрядности. Оно не нуждалось никогда въ отысканіи компромиссовъ съ наукою и нравственностью, какъ это дѣлалъ протестантизмъ, такъ какъ православіе осталось *внѣ* жизни и *внѣ* нравственности, при своей старинной формѣ неподлежащаго критикѣ обычая. Въ немъ приходилось бороться не съ лицемѣрными компромиссами мысли, а съ ея полною недѣятельностью. Поэтому мысль въ Россіи, въ своихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ, видѣла и видитъ въ православіи не элементъ интеллектуальный, но враждебный, лживый, который надо побѣдить, противопоставляя ему правду теоретическую и нравственную; а для нея это — форма обычая, отъ которой человѣку, въ его стремленіи къ развитію, приходится отдѣлаться, какъ отъ всякаго обычая, мѣшающаго исторической жизни. Пониманіе самодержавія, точно такъ же какъ усвоеніе фатальности классовой борьбы при всѣхъ политическихъ формахъ нынѣшняго общества, могло выработаться въ Россіи помимо всякой богословской борьбы. Положеніе о „критикѣ религіи“, какъ „первой посылкѣ всякой критики“, вполнѣ справедливое для протестантскихъ странъ, видоизмѣнялось для Руси въ томъ смыслѣ, что религіозный строй русскаго общества, въ его общественномъ значеніи, оставался еще болѣе „ниже критики“, чѣмъ русское самодержавіе; онъ не давалъ начало въ русской жизни никакому „ростку жизни подъ черепомъ“ и своею интеллектуальною недѣятельностью совершилъ *на дѣлѣ* критику религіозной мысли для развитаго русскаго человѣка болѣе основательно, чѣмъ можно было бы это сдѣлать самой искусной критикѣ въ теоріи.

На нашей родинѣ не приходилось политической и экономической критикѣ искать опоры въ какой-либо прочной философской системѣ или вырабатываться въ спорѣ съ чѣмъ-либо подобнымъ ей. Самодержавіе, крѣпостничество, развивающаяся индустрія были въ Россіи *фактами*, не искавшими никакихъ теоретическихъ основъ и оправданій. У насъ были оплаченные профессора философіи, какъ нынѣшній ректоръ петербургскаго университета. Были единичные кантіанцы, шеллингіанцы, гегельянцы, пессимисты, позитивисты; но на общественную мысль эти отдѣльныя личности вліянія не имѣли; русской философской школы у насъ не выработалось и почти каждому мыслящему человѣку на нашей родинѣ приходилось строить свое міросозерцаніе наименѣе удобнымъ, но наиболѣе естественнымъ, путемъ, объединяя, какъ онъ умѣлъ, внѣ всякой традиціи, факты знанія, вѣрованія, жизненныхъ влеченій и задачъ. Очень часто эта философская работа совершалась почти безсознательно; сплошь да рядомъ она была очень не стройна, полна пробѣлами и противорѣчіями. Зато противъ давленія тѣхъ метафизическихъ гигантовъ, которые выработались въ Европѣ, русской мысли бороться не приходилось. Каждый новый фактъ науки и исторіи она воспринимала въ его свѣжести, не про-

водя его через призму чужой усвоенной философіи. Одинъ гегелизмъ, по его чарующему могуществу, выказалъ временно на русскіе руководящіе умы нѣкоторое коллективное вліяніе. Но, по счастію, это было уже въ эпоху его раздоровъ и развитія изъ него критическаго направленія.

П. Лавровъ.

22 октября 1887 г.

Въ Германіи критика религіи въ своемъ существенномъ содержаніи окончена, а критика религіи — первая посылка всякой критики.

Прочность существованія заблужденія въ области *свѣтской* мысли подорвана, какъ только опровергнуто его небесное oratio pro aris et focis. Какъ только для человѣка фантастическая дѣйствительность неба, въ которомъ онъ искалъ сверхчеловѣческую силу, оказалась отраженіемъ его собственнаго *я*, онъ уже теряетъ склонность видѣть только свой призракъ, только извращеннаго человѣка, тамъ, гдѣ онъ ищетъ и долженъ искать свою истинную дѣйствительность.

Въ основѣ противорелигіозной критики лежитъ положеніе: „не религія создаетъ человѣка, а человѣкъ создаетъ религію". При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что религія есть способъ, которымъ человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ свое *я*, когда онъ, въ сущности, или еще не завоевалъ этого *я* или снова потерялъ его. Но *человѣкъ* не есть абстрактное, внѣ міра витающее существо. Человѣкъ, это —*міръ человѣка*, это—общество, государство. Это общество, это государство и создаютъ религію, постольку извращенное міровоззрѣніе, поскольку они сами представляютъ извращенный міръ. Религія, это—общая теорія этого міра, его энциклопедическій краткій учебникъ, его популярная логика, его спиритуалистическій point d'honneur, источникъ его энтузіазма, его нравственная санкція, его торжественное восполненіе, общая почва его утѣшенія и оправданія. Она - *фактическое осуществленіе* сущности человѣческаго *я*, такъ какъ истинная дѣйствительность для человѣческаго *я* при этомъ не существуетъ. Борьба противъ религіи, слѣдовательно, есть, косвенно, борьба и противъ того міра, духовнымъ ароматомъ котораго является религія.

Жалкое состояніе религіи есть, одновременно, и *выраженіе* жалкаго состоянія дѣйствительности, и *протестъ* противъ этого жалкаго состоянія. Религія, это — стонъ всего

подавленнаго, это— настроеніе безсердечнаго міра, это—духовный элементъ бездушныхъ условій жизни. Она—*опіумъ* народа.

Устраненіе религіи, какъ *иллюзіоннаго* счастья человѣчества, это—требованіе его дѣйствительнаго счастья. Требованіе отбросить иллюзіи о своемъ положеніи есть *требованіе выйти вообще изъ положенія, нуждающагося въ иллюзіяхъ*. Критика религіи, слѣдовательно, составляетъ *зародышъ* критики той плачевной юдоли, священный ореолъ которой есть религія.

Но критика сорвала съ оковъ украшавшіе ихъ воображаемые цвѣты не для того, чтобы человѣчество продолжало нести эти оковы въ ихъ формѣ, лишенной всякой фантазіи и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цѣпи и протянуло руку за живымъ цвѣткомъ. Критика религіи разрушаетъ заблужденія человѣка, чтобы онъ мыслилъ, дѣйствовалъ; чтобы онъ создалъ около себя дѣйствительность, какъ человѣкъ, оставившій заблужденія, руководимый разсудкомъ; чтобы онъ обращался около своего дѣйствительнаго солнца, около самого себя. Религія, это—иллюзіонное солнце, только до тѣхъ поръ обращающееся вокругъ человѣка, пока онъ не обращается около самого себя.

Задача исторіи теперь, слѣдовательно, когда исчезла *правда внѣміровая*, установить *правду въ мірѣ*. Задача философіи, пособника исторіи, теперь, послѣ того какъ сорвана личина съ человѣческаго самоотчужденія, въ его формѣ святыни, — сорвать личину съ этого самоотчужденія и въ его *формахъ, не принадлежащихъ къ святынѣ*. Критика небеснаго переходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ критику земного, *критика религіи*—въ *критику права, критика теологіи*—въ *критику политики*.

Слѣдующія страницы, входящія въ область этого труда, имѣютъ непосредственно въ виду не самый оригиналъ, но копію съ него, именно нѣмецкую *философію* права и государства, лишь потому, что послѣдняя связана съ Германіею.

Если приступить къ разбору самого нѣмецкаго status quo, полученный результатъ оказался бы всегда *анахронизмомъ*, хотя бы къ разбору его и было приступлено единственно приличнымъ для этого путемъ, т. е. отрицательно. Даже отрицаніе нашего современнаго политическаго порядка мы найдемъ

какъ фактъ, успѣвшій покрыться слоемъ пыли въ историческихъ архивахъ современныхъ намъ народовъ. Когда я отрицаю напудренныя косички, все же остаются еще косички ненапудренныя. Когда я отрицаю нѣмецкіе порядки 1843 года, то я, по французской хронологіи, едва нахожусь въ эпохѣ 1789 года, значитъ, еще дальше отъ фокуса современности

Нѣмецкая исторія дѣйствительно можетъ гордиться движеніемъ, подобнаго которому ни одинъ народъ на своемъ историческомъ небосклонѣ не можетъ указать, да и въ будущемъ не укажетъ. Мы, именно, принимали участіе въ реставраціяхъ современныхъ народовъ, не участвовавъ въ ихъ революціяхъ. Мы переживали реставраціи, во-первыхъ, благодаря тому, что другіе народы имѣли смѣлость поднять знамя революціи, и во-вторыхъ, благодаря тому, что эти народы страдали отъ контрреволюцій; иначе говоря, потому, что въ первомъ случаѣ, наши владыки трусили, а, во второмъ, потому, что они не трусили. Мы, съ нашими пастырями во главѣ, имѣли общеніе со свободою лишь въ одномъ случаѣ и это—въ день ея похоронъ.

Существуетъ школа, которая сегодня совершаемыя низости оправдываетъ вчерашними; которая объявляетъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостного раба противъ кнута, если только это кнутъ старый, прирожденный, историческій; школа, которой исторія, какъ богъ Израиля своему слугѣ Моисею, показываетъ только свое a posteriori. Эта *историческая школа права* изобрѣла бы исторію Германіи, если бы сама не была продуктомъ изобрѣтательности этой исторіи. Этотъ Шейлокъ, но Шейлокъ-слуга, при всякомъ кускѣ мяса, вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, ссылается подъ присягою на свой вексель, на свой историческій вексель, на свой христіанско-германскій вексель.

Напротивъ, добродушные энтузіасты, германофилы по рожденію и либералы по мышленію, ищутъ исторію нашей свободы по ту сторону нашей исторіи въ первобытныхъ тевтонскихъ лѣсахъ. Но чѣмъ же отличается исторія нашей свободы отъ исторіи свободы дикаго кабана, если и ту и другую нужно искать лишь въ дебряхъ лѣсовъ? Притомъ всѣмъ извѣстная истина: что крикнешь въ лѣсѣ, тѣмъ онъ и отзовется. Итакъ миръ тевтонскимъ лѣсамъ!

Война германскимъ порядкамъ! Конечно! Они *ниже*

уровня исторіи, они *ниже всякой* критики, тѣмъ не менѣе они остаются предметомъ критики, какъ преступникъ, который, хотя стоитъ ниже уровня человѣчества, все же остается объектомъ дѣятельности *палача*. Въ войнѣ съ этими порядками критика является не умственною страстью, но страстною дѣятельностью ума. Она — не ножъ анатома, но оружіе битвы. Объектъ ея сдѣлался ея *врагомъ*. Она стремится не опровергнуть его, но *уничтожить*, такъ какъ смыслъ этихъ германскихъ порядковъ давно опровергнутъ. Сами по себѣ это уже не объекты, достойные процесса мысли, но лишь нѣчто существующее, настолько же презрѣнное, насколько и презираемое. Критикѣ, какъ таковой, нечего уже уяснять себѣ свое отношеніе къ этому предмету, потому что она уже уяснила себѣ это. Она уже перестала видѣть въ этой своей дѣятельности свою самостоятельную цѣль, но обратилась въ средство. Сущностью ея патетизма стало *негодованіе*, сущностью ея работы—*разоблаченіе*.

Дѣло идетъ объ изображеніи взаимнаго тупаго давленія всѣхъ общественныхъ сферъ одной на другую, всеобщаго бездѣятельнаго недовольства, ограниченности, которая настолько же сознаетъ себя ограниченностью, насколько и ошибается въ этомъ отношеніи, причемъ она заключена въ рамки правительственной системы, живущей лишь при пособіи охраненія всякой дрянности и представляющей лишь *дрянность, сдѣлавшуюся правительствомъ*.

Какова картина! Съ одной стороны до безпредѣльности идущее дробленіе общества на разнообразныя расы, которыя стоятъ одна противъ другой съ ихъ мелочными антипатіями, съ полнымъ сознаніемъ своихъ дурныхъ цѣлей съ грубой ихъ посредственностью, причемъ именно ихъ взаимное двусмысленное и недовѣрчивое отношеніе позволяетъ ихъ *повелителямъ* обращаться со всѣми ими безъ различія, хотя и при соблюденіи различныхъ формальностей, какъ съ чѣмъ-то лишь *терпимымъ въ своемъ существованіи*. И даже тотъ фактъ, что ими повелѣваютъ, правятъ, владѣютъ, они должны признавать и исповѣдывать, какъ фактъ *терпимости* неба! А, съ другой стороны, сами эти повелители, величіе которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ числу.

Критика, имѣющая передъ собою подобное содержаніе, есть критика, находящаяся въ рукопашномъ бою, а въ такомъ бою

дѣло не въ томъ, благороденъ ли противникъ, признаемъ ли мы его равнымъ себѣ, возбуждаетъ ли онъ интересъ; дѣло въ томъ, чтобы *нанести ему ударъ*. Дѣло въ томъ, чтобы не дать нѣмцамъ ни минуты для самообольщенія и для примиренія съ существующимъ. Критика должна сдѣлать давленіе еще болѣе подавляющимъ, усиливая его сознаніемъ претерпѣваемаго давленія; должна сдѣлать позоръ болѣе позорнымъ, дѣлая его публичнымъ. Каждая сфера нѣмецкаго общества должна быть обличена, какъ partie honteuse этого общества; нужно эти окаменѣлыя общественныя формы заставить пуститься въ плясъ, напѣвая имъ ихъ собственную мелодію. Надо, чтобы народъ *испугался* самого себя, и этимъ путемъ проникся мужествомъ. Этимъ будетъ удовлетворена самая насущная потребность нѣмецкаго народа, а потребности народовъ тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ, составляютъ причины для ихъ удовлетворенія.

Эта борьба противъ ограниченнаго содержанія германскаго status quo не можетъ не имѣть интереса и для обновившихся народовъ, потому что германское status dno есть *откровенное завершеніе* ancien régime'а, а ancien régime есть *скрываемый недостатокъ государства*. Борьба противъ политической современности Германіи это— борьба противъ прошлаго обновленныхъ народовъ, а возвращеніе къ этому прошлому до сихъ поръ еще давитъ міръ. Для нихъ поучительно посмотрѣть, какъ ancien régime, пережившій въ ихъ исторіи свою *трагедію*, теперь, какъ привидѣніе, наблюдаемое въ Германіи, разыгрываетъ тамъ свою *комедію*. Трагична была его исторія, пока онъ былъ міровой силой, имѣвшей за себя свое болѣе раннее существованіе, тогда какъ свобода была личнымъ предположеніемъ; пока, однимъ словомъ, онъ самъ вѣрилъ и долженъ былъ вѣрить въ свое право. Пока этотъ ancien régime, какъ наличный міровой порядокъ, боролся съ міромъ, еще развивающимся, на сторонѣ перваго стояло заблужденіе всемірно-историческое, а не личное. Его паденіе, поэтому, было трагично.

Современный германскій режимъ, напротивъ того, есть анахронизмъ, явное противорѣчіе основнымъ, общепризнаннымъ аксіомамъ, выставленная на показъ несостоятельность ancien régime'а; онъ только воображаетъ, что вѣритъ въ самого себя, и требуетъ отъ міра, чтобы и тотъ воображалъ это.

Если бы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ свою *сущность*, то сталъ ли бы онъ скрывать ее подъ *призракомъ* чужой сущности и сталъ ли бы онъ искать своего спасенія въ лицемѣріи и въ софистикѣ? Современный ancien régime, это только гаеръ въ міровой драмѣ, дѣйствительные герои которой вымерли. Исторія дѣйствуетъ основательно: когда она хоронитъ устарѣлую форму жизни, она проходитъ много фазисовъ. Послѣдній фазисъ всемірно-исторической формы жизни, это— ея *комедія*. Боги древней Греціи, которые уже были смертельно ранены въ трагедіи эсхиловскаго закованнаго Прометея, должны были еще разъ умереть комически въ разговорахъ Лукіана. Для чего исторія слѣдуетъ этому порядку? Для того, чтобы человѣчество весело распрощалось со своимъ прошлымъ. Мы требуемъ какъ нѣчто, принадлежащее политическимъ державамъ Германіи, это *веселое* историческое назначеніе.

Но какъ только критика изберетъ своимъ предметомъ современную соціально-политическую дѣятельность, какъ только она, такимъ образомъ, возвышается до истинно-человѣческихъ задачъ, она становится уже внѣ германскаго status quo, или она отнеслась бы къ предмету своего разсмотрѣнія ниже этого предмета. Возьмемъ примѣръ. Главная задача новаго времени, это—отношеніе индустріи, вообще міра экономическаго къ міру политическому. Въ какой же формѣ эта задача начинаетъ занимать нѣмцевъ? Въ формѣ *таможенныхъ пошлинъ, запретительной системы*, въ формѣ *національной экономіи*. Германофильство отъ человѣка перенеслось въ вещество, и такимъ образомъ въ одно прекрасное утро наши рыцари-хлопчатники и герои-желѣзопромышленники оказались патріотами. Въ Германіи, слѣдовательно, начинаютъ признавать господство монополіи внутри страны, предоставляя ей господствовать во внѣшнихъ отношеніяхъ. Итакъ, въ Германіи начинаютъ приступатъ теперь къ тому самому, отъ чего начинаютъ отдѣлываться въ Англіи и во Франціи. Старый гнилой порядокъ, противъ котораго эти страны борются въ теоріи и который онѣ только переносятъ, какъ приходится переносить оковы, привѣтствуется въ Германіи, какъ утренняя заря прекраснаго будущаго, едва еще дерзающаго изъ листовскихъ теорій *) перейти въ самую безпощадную практику. Въ

*) Дѣло идетъ объ экономическихъ теоріяхъ Фридриха Листа (1789—1846), главный трудъ котораго: „Nationale System der Politischen Ekonomie", появился въ 1841 г. и на котораго смотрѣли, какъ на первостепеннаго и вполнѣ національно-нѣмецкаго реформатора въ политической экономіи. Въ текстѣ - непереводимая игра словъ, такъ какъ имя Листа (List) обозначаетъ и „хитрость". *Прим. перев.*

то время, какъ въ Англіи и во Франціи задача формулируется такъ: политическая экономія, или господство общества надъ экономическими силами,—въ Германіи она провозглашаетъ: національная экономія, или господство частной собственности надъ націею. Въ Англіи и во Франціи стремятся къ уничтоженію монополіи, дошедшей до послѣднихъ своихъ результатовъ; въ Германіи—къ доведенію монополіи до самыхъ крайнихъ ея выводовъ. Тамъ дѣло идетъ о развязкѣ, здѣсь — едва лишь о столкновеніи. Это —удовлетворительный примѣръ нѣмецкой формы для современныхъ задачъ, примѣръ тому, какъ наша исторія, подобно неловкому рекруту, ставила себѣ до сихъ поръ задачею лишь упражняться въ повтореніи давно уже продѣланныхъ историческихъ процессовъ.

Если бы, слѣдовательно, *общее* развитіе Германіи не ушло дальше ея политическаго развитія, то нѣмецъ могъ бы участвовать въ рѣшеніи задачъ современности лишь такимъ образомъ, какимъ можетъ участвовать въ этомъ и русскій. Но если отдѣльная личность не связана предѣлами, ограничивающими націю, то нація еще менѣе можетъ считаться освобожденною вслѣдствіе освобожденія отдѣльной личности. Скифы ни на шагъ не приблизились къ греческой цивилизаціи оттого, что греки могли среди своихъ философовъ указать на одного скиѳа.

Къ счастью мы, нѣмцы, не скиѳы.

Какъ древніе народы переживали свою прошлую исторію въ мірѣ воображенія, въ *миѳологіи*, такъ и мы, въ Германіи, переживаемъ нашу будущую исторію въ мірѣ мысли, въ *философіи*. Путемъ *философіи* мы современники настоящаго, не будучи его *историческими* современниками. Нѣмецкая философія есть *идеальное продолженіе* нѣмецкой исторіи. Когда мы, слѣдовательно, подвергаемъ критикѣ, вмѣсто œuvres incomplètes нашей исторіи реальной, œuvres posthumes нашей исторіи идеальной, нашей философіи, мы ставимъ задачу, про которую современность говоритъ: „that is the question". *Практическому* разладу съ нынѣшними

государственными порядками, имѣющему мѣсто у передовыхъ народовъ, соотвѣтствуютъ пока въ Германіи, гдѣ самые эти порядки еще не существуютъ, *критическій* разладъ съ отраженіемъ этихъ порядковъ въ философіи.

Философія права и государства въ Германіи есть единственная форма *нѣмецкой исторіи*, стоящая на уровнѣ оффиціальной современности новой эпохи. Поэтому, нѣмецкому народу приходится причислить эту исторію, пережитую въ грезахъ, къ своимъ наличнымъ порядкамъ, и подвергнуть критикѣ не только эти порядки, но и ихъ абстрактное продолженіе. Будущность нѣмецкаго народа не можетъ *ограничиться* ни непосредственнымъ отрицаніемъ его реальныхъ государственныхъ и правовыхъ порядковъ, ни непосредственнымъ осуществленіемъ его идеальныхъ представленій о государствѣ и правѣ, потому что послѣднія уже совершили непосредственное отрицаніе первыхъ, а свои идеальные порядки онъ уже почти пережилъ въ воззрѣніяхъ своихъ сосѣдей. Поэтому практическая политическая партія въ Германіи права, когда она требуетъ *отрицанія философіи*. Она не права не тогда, когда ставитъ это требованіе, а когда останавливается на одномъ лишь требованіи, не занимаясь серьезно его выполненіемъ и не будучи въ состояніи его выполнить. Она думаетъ, что достигаетъ отрицанія философіи тѣмъ, что поварачивается къ ней спиной и бормочетъ по ея адресу нѣсколько злобныхъ банальныхъ фразъ. Въ ограниченности своего кругозора она не относитъ философію къ нѣмецкой дѣйствительности, или ставитъ ее даже *ниже* нѣмецкихъ практическихъ вопросовъ и теорій, употребляемыхъ для ихъ рѣшенія. Вы требуете, чтобы за точку исхода брали дѣйствительные зародыши жизни, но вы забываете, что истинный ростокъ жизни нѣмецкаго народа прозябалъ до сихъ поръ только подъ его черепомъ. Однимъ словомъ, *вы не отдѣлаетесь отъ философіи, не перенеся въ дѣйствительность ея положеній.*

Ту же ошибку, только пуская въ ходъ противоположный элементъ, сдѣлала и теоретическая партія, та политическая партія, которая опиралась на философію.

Она въ современной борьбѣ успѣла замѣтить *только критическую борьбу философіи съ нѣмецкимъ міромъ*, не принявъ въ соображеніе, что вся *прежняя философія* сама принадлежитъ къ этому міру и составляетъ его *дополненіе*,

хотя только идеальное. Относясь критически къ противникамъ, эта партія къ самой себѣ относилась некритически, когда, исходя изъ посылокъ философіи, или останавливалась на полученныхъ послѣднею результатахъ, или выдавала за непосредственные требованія и результаты философіи—требованія и результаты, полученные инымъ путемъ, тогда какъ они—предполагая ихъ вѣрными—могли быть наоборотъ получены лишь путемъ *отрицанія прежней философіи*, именно философіи, какъ таковой. Мы предоставляемъ себѣ въ будущемъ вернуться къ болѣе подробному разсмотрѣнію этой партіи. Ея коренной недостатокъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *она надѣялась внести философію въ дѣйствительность, не выходя изъ философіи.*

Критика нѣмецкой философіи права и государства, достигшей въ Гегелѣ своей самой послѣдовательной, богатѣйшей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдней формы, ставитъ себѣ обѣ цѣли: она есть критическій анализъ современнаго государственнаго строя и связанной съ нимъ дѣйствительности; въ то же время она есть рѣшительное отрицаніе всѣхъ наличныхъ *пріемовъ* нѣмецкаго *политическаго и правового сознанія*, получившаго свое чистѣйшее, универсальнѣйшее, до уровня *науки* поднятое выраженіе, именно въ *умозрительной философіи права*. Лишь въ Германіи была возможна умозрительная философія, эта крайняя абстрактная обработка въ *мысли* новаго государства, дѣйствительность котораго оставалась внѣ нашего міра, хотя бы эта внѣміровая дѣйствительность лежала лишь за Рейномъ; но, съ другой стороны, нѣмецкое полученіе мысли о современномъ государствѣ путемъ абстракціи отъ дѣйствительнаго человѣка было возможно лишь потому и настолько, насколько современное государство само получилось лишь путемъ абстракціи отъ *человѣка въ его дѣйствительности*, или удовлетворяетъ человѣка, *въ его цѣлости*, лишь фиктивно. Нѣмцы прошли въ политикѣ путемъ *мышленія* то, что другіе народы прошли путемъ *дѣла*. Германія составляла *теоретическую совѣсть* другихъ народовъ. Ея мышленіе становилось настолько же абстрактнѣе и высокомѣрнѣе, насколько ея дѣйствительность дѣлалась одностороннѣе и принижалась. Поэтому, если status quo государственнаго строя Германіи есть выраженіе ancien régime *въ его законченности*, выраженіе занозы, засѣвшей

въ тѣлѣ современнаго государства, то status quo нѣмецкаго пониманія государства соотвѣтствуетъ несовершенствамъ современнаго государства, испорченности самаго его тѣла.

Рѣшительное противорѣчіе съ пріемами, до сихъ поръ употребляемыми нѣмецкимъ политическимъ сознаніемъ, проявляется въ критикѣ умозрительной философіи права уже въ томъ, что эта критика заключается не въ умозрительномъ содержаніи, но въ задачахъ, рѣшеніе которыхъ возможно только однимъ путемъ: путемъ *практики*.

Вопросъ поставленъ такъ: можетъ ли Германія добиться практики à la hauteur des principes, т. е. добиться революціи, которая подняла бы ее не только до *оффиціальнаго уровня*, на которомъ находятся современные народы, но и на высоту, достойную человѣка, именно на ту, которая составитъ ближайшее будущее этихъ народовъ?

Оружіе критики не можетъ, конечно, замѣнить критику, совершаемую оружіемъ; матеріальная сила должна быть низвергнута матеріальной же силой, однако такой силой является и теорія, какъ только она овладѣла массами. Теорія можетъ овладѣть массами, когда она прибѣгаетъ къ доказательствамъ ad hominem; а къ этимъ доказательствамъ она обращается, когда становится радикальною. Быть радикальною значитъ разсматривать вещи въ ихъ корнѣ. Но корень всего для человѣка заключается въ самомъ человѣкѣ же. Явнымъ доказательствомъ радикализма нѣмецкой теоріи—значитъ и ея практической энергіи—служитъ тотъ фактъ, что она начала съ рѣшительнаго и *положительнаго* устраненія религіи. Критика религіи заключена положеніемъ, что *высшее существо для человѣка есть самъ человѣкъ*, слѣдовательно—категорическимъ обязательствомъ совершить переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ, которыя обращаютъ человѣка въ униженное, въ порабощенное, въ одинокое, въ презрительное существо; эти отношенія нельзя лучше изобразить, чѣмъ восклицаніемъ одного француза по поводу проектированнаго налога на собакъ: „бѣдные псы, съ вами хотятъ обращаться какъ съ людьми“.

Даже съ точки зрѣнія исторіи теоретическая эмансипація имѣетъ для Германіи спеціально практическое значеніе. Именно, *революціонное* прошлое Германіи имѣло мѣсто въ области теоріи; это—*Реформація*. Какъ тогда революція началась въ

мозгу *монаха*, такъ теперь она начинается въ мозгу *философа*.

Лютеръ, правда, одержалъ побѣду надъ рабствомъ изъ благоговѣнія, замѣнивъ его рабствомъ изъ-за убѣжденія. Онъ разрушилъ вѣру въ авторитетъ, возстановивъ авторитетъ вѣры. Духовенство онъ превратилъ въ мірянъ, превратилъ мірянъ въ духовенство. Онъ освободилъ человѣка отъ внѣшней религіозности, сдѣлавъ изъ религіозности особаго внутренняго человѣка. Онъ освободилъ отъ оковъ плоть, наложивъ оковы на чувство.

Но если протестантизмъ и не былъ истиннымъ рѣшеніемъ задачи, то онъ былъ истинной постановкой ея. Съ тѣхъ поръ дѣло заключалось уже не въ борьбѣ мірянина съ *церковникомъ стоящимъ внѣ его*, но въ борьбѣ его со своимъ *собственнымъ внутреннимъ церковникомъ*, со своей церковной *натурой*. И точно такъ же, какъ протестантское обращеніе мірянъ въ духовныхъ эмансипировало свѣтскихъ папъ, *князей*, съ ихъ клиромъ привилегированныхъ сословій и филистеровъ, такъ философское обращеніе нѣмцевъ, проникнутыхъ церковнымъ духомъ, въ людей, эмансипируетъ *народъ*. Какъ эмансипація не ограничилась князьями, такъ *секуляризація* имущества не остановится на обираніи церквей, къ чему прежде другихъ приступили въ лицемѣрной Пруссіи. Въ то время крестьянская война, самый радикальный фактъ въ исторіи Германіи, потерпѣла неудачу изъ-за богословія. Теперь, когда потерпѣло неудачу само богословіе, о скалу философіи разобьется самый холопскій фактъ этой исторіи, нашъ stäatus quo. Наканунѣ Реформаціи оффиціальная Германія была самымъ послушнымъ холопомъ Рима. Теперь, наканунѣ своей революціи, она — послушный холопъ тѣхъ, кто ниже Рима, именно Пруссіи и Австріи, юнкеровъ и филистеровъ.

Но радикальной революціи въ Германіи мѣшаетъ, повидимому, одно важное препятствіе.

Революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, въ *матеріальной* подкладкѣ. Теоріи всегда реализируются народомъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку онѣ стремятся къ реализаціи его потребностей. И вотъ вопросъ: будетъ ли соотвѣтствовать громадному разладу между требованіями нѣмецкой мысли и фактами нѣмецкой дѣйствительности такой же разладъ между обществомъ и государствомъ, съ одной стороны, и общества

съ самимъ собой, съ другой? Окажутся ли теоретическія потребности непосредственно и потребностями практическими? Недостаточно того, что мысль стремится къ переходу въ дѣйствительность; нужно, чтобы сама дѣйствительность вела къ мысли.

Но Германія прошла чрезъ переходныя ступени своей политической эмансипаціи не въ одно время съ обновленными народами. Она не достигла на практикѣ даже тѣхъ ступеней, которыя уже оставила за собой въ теоріи. Какъ сможетъ Германія однимъ salto mortale перескочить не только чрезъ то, что стѣсняетъ ее, но заразъ и чрезъ то, что стѣсняетъ обновленные народы; чрезъ то, что въ дѣйствительности она должна ощущать и къ чему она должна стремиться какъ къ освобожденію отъ своихъ дѣйствительныхъ стѣсненій? Радикальная революція можетъ быть только революціей во имя радикальныхъ потребностей, для которыхъ, повидимому, не достаетъ здѣсь ни необходимыхъ условій, ни точекъ исхода.

Но, если, съ одной стороны, Германія участвовала въ развитіи обновленныхъ народовъ только отвлеченною дѣятельностью мысли, не становясь въ ряды дѣятельныхъ борцовъ въ дѣйствительныхъ битвахъ этого развитія, то она, съ другой, раздѣляла страданія этого развитія, не участвуя въ его наслажденіяхъ, въ чувствѣ частнаго удовлетворенія, отъ него полученнаго. Абстрактной дѣятельности, съ одной стороны, соотвѣтствуетъ абстрактное страданіе—съ другой. Поэтому Германія когда-нибудь можетъ оказаться на уровнѣ общеевропейскаго общественнаго разложенія, никогда раньше не стоявъ на уровнѣ европейской эмансипаціи. Ее можно будетъ сравнить съ фетишистомъ, зараженнымъ болѣзнями христіанства.

Если присмотрѣться сперва къ *германскимъ правительствамъ*, то мы замѣтимъ, что условія времени, положеніе Германіи, состояніе нѣмецкой образованности, наконецъ, ихъ собственный благотворный инстинктъ вынуждаетъ ихъ комбинировать *недостатки* государственнаго строя новой *цивилизаціи*—выгодами котораго мы не пользуемся—съ недостатками *варварства* ancien régime'а, который пышно расцвѣлъ у насъ; такъ что Германія принуждена все болѣе участвовать, если не въ разумныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ неразумныхъ элементахъ государственныхъ учрежденій, ушедшихъ впередъ отъ ея status quo. Можно-ли указать, напримѣръ, на другую страну въ мірѣ, которая такъ наивно раздѣляла бы всѣ

иллюзіи конституціонныхъ государственныхъ порядковъ, не зная ихъ реальныхъ сторонъ, какъ мы видимъ это въ такъ называемой конституціонной Германіи? Развѣ могло другое правительство, кромѣ нѣмецкаго, выдумать совокупленіе мученій цензуры съ мученіями французскихъ сентябрьскихъ законовъ, предполагающихъ свободу прессы? Какъ въ римскомъ пантеонѣ можно было найти *боговъ* всѣхъ націй, такъ въ Священной римско-германской имперіи можно будетъ найти *грѣхи* всѣхъ государственныхъ формъ. Этотъ эклектизмъ достигнетъ негаданныхъ до сихъ поръ размѣровъ; за это можетъ поручиться политико-эстетическое лакомство одного изъ нѣмецкихъ королей *), собирающагося разыграть роли королей всѣхъ жанровъ, какъ феодальнаго, такъ и бюрократическаго, какъ неограниченнаго, такъ и конституціоннаго, какъ автократическаго, такъ и демократическаго; если народъ не будетъ участвовать въ пьесѣ, то *онъ*, король, все-таки сыграетъ свои роли, если не для народа, то для *собственнаго удовольствія*. Германія представляетъ недостатки современнаго политическаго строя, образовавшіе особый самостоятельный міръ; поэтому она не можетъ разрушить свои спеціально-нѣмецкія стѣсненія, не разрушивъ то, что вообще стѣсняетъ современный политическій строй.

Утопическимъ бредомъ для Германіи приходится назвать не радикальную революцію, не эмансипацію *человѣчества вообще*, а революцію частную, революцію *только* политическую, революцію, которая устои самаго зданія оставитъ неприкосновенными. Въ чемъ состоитъ частная, только политическая, революція? Въ томъ, что освобождается и достигаетъ господства надъ цѣлымъ одна доля *гражданскаго общества*; въ томъ, что опредѣленный классъ, исходя изъ своего *особеннаго положенія*, предпринимаетъ эмансипацію всего общества. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но лишь при томъ предположеніи, что все общество находится будто бы въ положеніи этого класса, т. е., напримѣръ, обладаетъ деньгами и образованіемъ, или можетъ, если захочетъ, обладать ими.

Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой роли, не вы-

*) Здѣсь имѣется въ виду Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій, вступившій на престолъ въ 1840 году.
Прим. перев.

звавъ на мгновеніе энтузіазма въ своей средѣ и въ массахъ; въ этотъ моментъ онъ братается съ обществомъ вообще и съ нимъ сливается; въ этотъ моментъ классъ смѣшиваютъ со всѣмъ обществомъ, его сознаютъ и признаютъ всеобщимъ представителемъ; въ этотъ моментъ права и требованія класса суть дѣйствительно права и требованія самого общества; онъ дѣйствительно является и головой общества и его сердцемъ Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ требовать себѣ господства надъ всѣми. Чтобы завоевать эту роль освободителей и вмѣстѣ съ тѣмъ роль политическихъ эксплуататоровъ всѣхъ сферъ общественной дѣятельности въ интересахъ собственной сферы дѣятельности, недостаточно революціонной энергіи и сознанія своей умственной силы. Чтобы *народная революція* и *эмансипація отдѣльнаго общественнаго класса* совпали, чтобы одно сословіе сочли за сословіе, охватывающее все общество, для этого нужно, чтобы всѣ общественные недуги, наоборотъ, были сконцентрированы въ какомъ-либо другомъ классѣ; нужно, чтобы опредѣленное сословіе являлось сословіемъ, вызывающимъ всеобщее возмущеніе, олицетвореніемъ того, что всѣхъ стѣсняетъ; нужно, чтобы отдѣльная общественная сфера считалась общепризнаннымъ соціальнымъ преступленіемъ, такъ что освобожденіе отъ давленія этой сферы казалось бы всеобщимъ самоосвобожденіемъ. Для того, чтобы одно сословіе являлось par excellence сословіемъ-освободителемъ, нужно, чтобы, наоборотъ, другое сословіе являлось явнымъ сословіемъ-поработителемъ. Универсально-отрицательное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило универсально положительное значеніе рядомъ съ ними стоявшаго и имъ противополагавшагося класса *буржуазіи.*

Но каждому отдѣльному классу въ Германіи недостаетъ не только той послѣдовательности, той рѣзкости, того мужества, той безцеремонности, которыя наложили бы на него клеймо представителя отрицательнаго элемента общества. Ни у одного класса нѣтъ и той душевной широты, которая позволила бы ему хотя на мгновеніе отожествиться съ душою народа, нѣтъ того творческаго энтузіазма, который изъ матеріальной силы создаетъ политическое могущество, нѣтъ той революціонной отваги, которая своему противнику бросаетъ дерзкій пароль: „я—ничто, а я долженъ быть всѣмъ“. Основной капиталъ нѣмецкой морали и честности не только у особей, но и у классовъ, составляетъ тотъ скромный эгоизмъ, который признаетъ свою посредственность и допускаетъ признаніе этой посредственности другими во вредъ ему. Поэтому отношеніе между различными слоями нѣмецкаго общества имѣетъ характеръ не драматическій, а эпическій. Каждый изъ нихъ начинаетъ проникаться сознаніемъ и выставлять свои особыя требованія, рядомъ съ требованіями прочихъ слоевъ, не подъ вліяніемъ испытываемаго имъ гнета, а въ томъ случаѣ, когда условія времени, безъ всякаго содѣйствія со стороны разсматриваемаго слоя, создали подъ нимъ новый общественный слой, который онъ въ свою очередь можетъ гнести. Даже гордость средняго класса въ Германіи своею нравственностью имѣетъ основою сознаніе того, что этотъ классъ есть общій представитель филистерской посредственности всѣхъ прочихъ классовъ. Поэтому не только нѣмецкіе короли mal-à-propos вступаютъ на престолъ, но и всякая общественная сфера претерпѣваетъ пораженіе, не отпраздновавъ еще ни одной побѣды, вырабатываетъ сама для себя стѣсненія, не разрушивъ еще стѣсненій, препятствующихъ ея развитію, выказываетъ узкіе элементы своей природы прежде, чѣмъ могла обнаружить ея великодушные элементы; случай сыграть великую роль миновалъ для каждой изъ этихъ сферъ прежде, чѣмъ онъ представился; каждый классъ, вступая въ борьбу съ классомъ, надъ нимъ стоящимъ, уже находится въ борьбѣ съ классомъ, подъ нимъ находящимся. Поэтому князья ведутъ борьбу съ королями, бюрократія съ дворянствомъ, буржуазія со всѣми ими вмѣстѣ; а пролетаріатъ уже начинаетъ борьбу противъ буржуазіи. Едва средніе классы со своей точки зрѣнія начинаютъ усваивать идею эмансипаціи, какъ уже развитіе соціальныхъ условій и успѣхи политическихъ теорій объявляютъ, что эта точка зрѣнія устарѣла или, по крайней мѣрѣ, подлежитъ пересмотру.

Во Франціи достаточно быть чѣмъ-нибудь для того, чтобы захотѣть быть всѣмъ. Въ Германіи же, чтобы не отказаться отъ всего, нужно быть ничѣмъ. Во Франціи частная эмансипація есть почва для всеобщей; въ Германіи всеобщая эмансипація conditio sine qua non для всякой частной Во Франціи свобода, во всей ея цѣлости, должна быть порожденіемъ дѣйствительнаго процесса постепеннаго освобожде-

нія; въ Германіи—слѣдствіемъ невозможности этого постепеннаго освобожденія. Во Франціи каждый общественный классъ есть *политическій идеалистъ* и сознаетъ себя прежде всего не отдѣльнымъ классомъ, а представителемъ общественныхъ потребностей вообще. Поэтому здѣсь роль освободителя переходитъ послѣдовательно въ драматическомъ процессѣ къ различнымъ классамъ французскаго народа, пока она, наконецъ, выпадетъ на долю того класса, который осуществитъ соціальную свободу не на базисѣ извѣстныхъ условій, лежащихъ внѣ человѣка, но все-таки созданныхъ человѣческимъ обществомъ, а класса, который, наоборотъ, организуетъ весь строй человѣческой жизни на базисѣ соціальной свободы. Въ Германіи же, гдѣ практическая жизнь настолько же безыдейна, насколько идейная непрактична, ни одинъ общественный классъ не обнаруживаетъ потребности всеобщей эмансипаціи и способности къ ней, пока онъ къ этому не вынуждается *непосредственно* своимъ положеніемъ, *матеріальной* необходимостью, тяжестью своихъ собственныхъ оковъ.

Гдѣ же положительная возможность эмансипаціи нѣмецкаго народа?

Отвѣтъ: въ созданіи общественнаго класса, связаннаго *радикальными оковами*; общественнаго класса, который въ то же время не принадлежитъ къ общественному строю; сословія, разлагающаго всѣ сословія; общественной формы, которой ея универсальныя страданія сообщали бы характеристическія черты универсализма; которая не требовала бы себѣ *особенныхъ правъ*, потому что относительно ея *нарушены права* не въ какомъ-либо *особенномъ* отношеніи, но *нарушена правда вообще*; общественнаго слоя, который не могъ бы уже ссылаться на какіе бы то ни было *историческіе* прерогативы, но на свою человѣческую природу; который находился бы не въ какомъ-либо частномъ противорѣчіи съ результатами германскаго государственнаго строя, а во всестороннемъ противорѣчіи со всѣми основами этого строя; общественной сферы, наконецъ, которая не можетъ завоевать себѣ свободы, не освободившись отъ всѣхъ прочихъ общественныхъ сферъ и тѣмъ самымъ не доставивъ свободы всѣмъ этимъ сферамъ; которая, короче, представляла бы *полную потерю* всего, принадлежащаго человѣку, и могла бы, поэтому, завоевать себѣ мѣсто въ жизни, лишь *снова пріобрѣтя* себѣ *сполна*

всѣ права человѣка. Особенный классъ, представляющій это разложеніе общества, есть *пролетаріатъ*.

Пролетаріатъ въ Германіи начинаетъ создаваться лишь съ возникновеніемъ въ ней индустріальнаго движенія, потому что пролетаріатъ образуетъ не нищета, естественно происходящая, но нищета, искусственно вызванная; не масса, механически подавленная обществомъ, надъ нею тяготѣющимъ, но масса, получившаяся, какъ продуктъ *остраго* общественнаго *разложенія*, преимущественно разложенія средняго сословія; хотя само собою разумѣется, что въ ряды образующагося такимъ образомъ пролетаріата постепенно вступаютъ продукты и естественно-развившейся нищеты и христіанско-германскаго крѣпостничества.

Когда пролетаріатъ провозглашаетъ *разложеніе наличнаго* мірового порядка, онъ въ этомъ высказываетъ лишь тайну своего собственнаго существованія, такъ какъ онъ именно составляетъ фактическое разложеніе этого порядка. Когда онъ требуетъ *отрицанія частной собственности*, онъ, возводитъ лишь въ *принципъ общественнаго строя* то, что общество возвело въ принципъ *его*, пролетаріата, и что въ *немъ*, какъ отрицательный общественный результатъ, воплощенс уже безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. Права пролетарія по отношенію къ зарождающемуся міру такія же, какъ и права *нѣмецкаго короля* по отношенію къ уже создавшемуся міру, когда этотъ король выражается про народъ, говоря: „*мой* народъ“, точно такъ же, какъ бы онъ сказалъ про лошадь; „*моя* лошадь“. Король, объявляя народъ своей частной собственностью, этимъ хочетъ только сказать, что обладатель частною собственностью—король.

Какъ философія находитъ въ пролетаріатѣ свое оружіе матеріальное, такъ пролетаріатъ находитъ въ философіи свое оружіе духовное, и какъ только молнія мысли ударитъ надлежащимъ образомъ въ эту наивную почву народной массы, совершится эманципація *нѣмцевъ* въ *людей*.

Резюмируемъ выводъ:

Единственнымъ *практически* возможнымъ освобожденіемъ Германіи является освобожденіе съ точки зрѣнія *той* теоріи, которая высшимъ существомъ для человѣка объявляетъ самого человѣка. Освобожденіе отъ *средне-вѣковаго гнета* въ Германіи возможно лишь въ формѣ освобожденія отъ всѣхъ

частныхъ продуктовъ побѣдъ надъ средними вѣками. Въ Германіи *ни одна* форма рабства не можетъ быть уничтожена безъ уничтоженія *всѣхъ* формъ рабства. Основательная Германія не можетъ совершать революцію иначе, какъ совершая ея самымъ основательнымъ образомъ. Эмансипація нѣмцевъ, это—эмансипація человѣка. *Философія* играетъ въ этой эмансипаціи роль *головы*, пролетаріатъ—роль *сердца*. Философія не можетъ перейти въ дѣйствительность, не уничтоживъ пролетаріата; пролетаріатъ не можетъ уничтожиться, не переводя философіи въ дѣйствительность.

Когда всѣ внутреннія условія будутъ выполнены, наступленіе *дня воскрешенія Германіи* будетъ возвѣщено *звучнымъ крикомъ галльскаго пѣтуха*.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія В. Врублевскаго:

Бернштейнъ Эдуардъ.—Условія возможности соціализма и задачи соціалъ-демократіи. Спб. 1906, ц. 75 к.

Гейне Генрихъ.—Германія. Зимняя сказка (написана въ 1844 г.). Переводъ Заѣзжаго, просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ. Спб. 1906 г., ц. 50 к.

Дашкова Е. Р. Княгиня.—Записки. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Екатерина II Императрица—Записки. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Каутскій Карлъ.—Эрфуртская программа. Спб. 1906 г. ц. 50 к.

Кеннанъ Джорджъ.—Тюрьмы въ Россіи. (Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ.—Русская политическая тюрьма Петропавловская крѣпость.—Русскіе государственные преступники). Спб. 1906 г. ц. 30 к.

Кеннанъ Джорджъ.—Сибирь и ссылка. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 25 к.

Лассаль Фердинандъ.—О сущности конституціи.—Что же теперь? (Вторая рѣчь о сущности конституціи).—Гласный отвѣтъ центральному комитету. Спб. 1906 г. ц. 30 к.

Лассаль Фердинандъ. — Программа работниковъ. Спб. 1906 г., ц. 10 к.

Лассаль Фердинандъ.—Капиталъ и трудъ. Спб. 1906 г., ц. 60 к.

Марксъ Карлъ.—Гражданская война во Франціи (1870—1871 г.). Спб. 1906 г., ц. 30 к.

Марксъ Карлъ. Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г.г. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Марксъ Карлъ.—Революція и контръ-революція въ Германіи. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Степнякъ С.—Домикъ на Волгѣ. Повѣсть. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Степнякъ С.—Павелъ Руденко. Романъ. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Степнякъ С.—Подпольная Россія. Съ портретами. Спб. 1906 г., ц. 80 к.

Толстой Л.—Исповѣдь. Спб. 1906 г., ц. 20 к.

Щербатовъ М. М. Князь.—О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Спб. 1906 г., ц. 50 к.

Складъ изданій: СПБ. Виленскій пер., 7, кв. 1.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the library rules or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE
	APR 24 19[illegible]		

C28 (251) 100M

COLUMBIA UNIVERSITY

0032023049

193H36 T

Marx

Vvedeniie

193H36 T

MAY 1 1933